

Николай
Бердяевъ

Новое
Средне-
вѣковье.

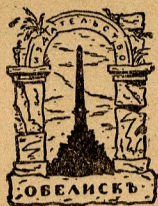
~~633.~~

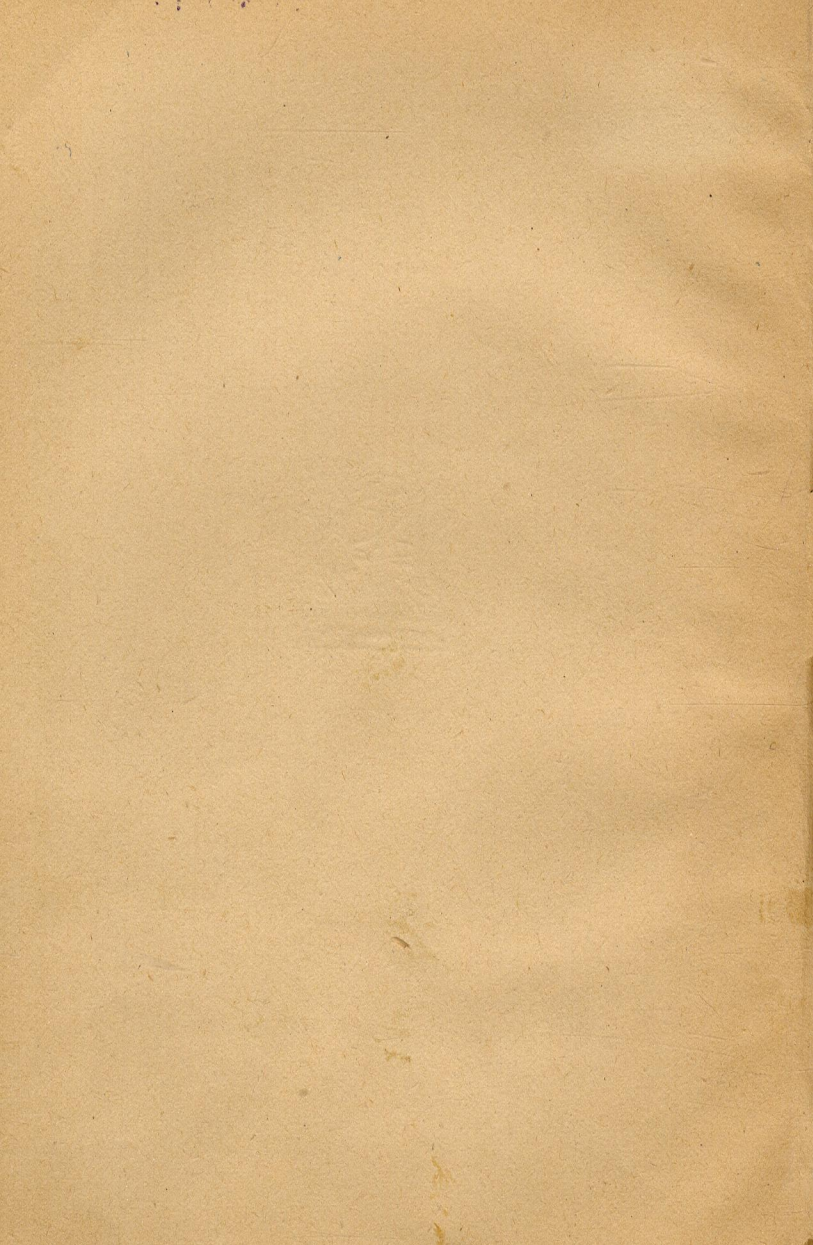
~~3037/1.~~

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ

НОВОЕ
СРЕДНЕВѢКОВЬЕ

ОБЕЛИСКЪ / БЕРЛИНЪ 1924

с. 10

~~50374.~~

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ

НОВОЕ СРЕДНЕВѢКОВЬЕ

РАЗМЫШЛЕНИЕ О СУДЬБѢ
РОССІИ И ЕВРОПЫ

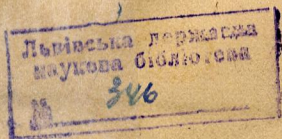
(мр 16(2) 633)

~~КНИГОВЫРНЯ
"СТУДИОН"
у Львові~~

ОБЕЛИСКЪ / БЕРЛИНЪ 1924

Берлин. Библиотека
Л. У. С. В.

*Copyright by Obelisk-Verlag
Gedruckt von Gebr. Hirschbaum in Berlin*

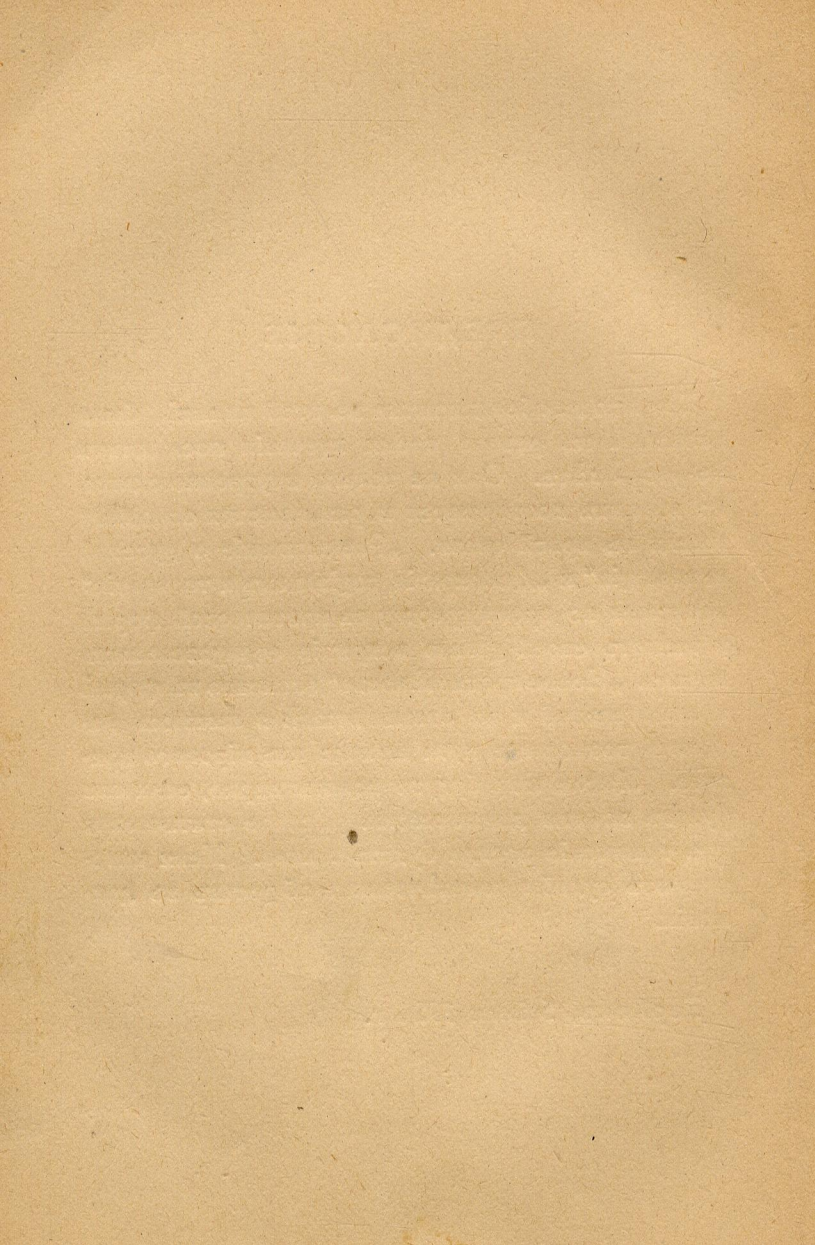

*Alle Rechte, besonders das
der Uebersetzung, vorbehalten*

ПРЕДИСЛОВІЕ

Три этюда, объединенные въ этой книжкѣ, были написаны въ разное время втеченіи послѣднихъ полутора лѣтъ. Они не только внутренне едины, но въ нихъ повторяются и развиваются основныя мысли въ новой связи. „Размышленіе о русской революціи“ и „Демократія, социализмъ и теократія“ написаны по преимуществу въ критической формѣ и имѣютъ своей цѣлью вскрытіе отрицательныхъ началъ. „Новое средневѣковье“ написано въ формѣ положительной и въ этомъ этюдѣ я пытаюсь намѣтить возможные пути выхода изъ мірового кризиса. Мысли мои будутъ поняты вѣрно, если они будутъ поняты динамически. Всякое статическое ихъ пониманіе всегда будетъ ложно. Меня интересуютъ судьбы человѣческихъ обществъ въ движеніи.

Берлинъ, 5 іюля 1924 г.

НОВОЕ СРЕДНЕВѢКОВЬЕ

Въ исторіи, какъ и въ природѣ, существуетъ ритмъ, ритмическая смѣна эпохъ и періодовъ, смѣна типовъ культуры, приливы и отливы, подъемы и спуски. Ритмичность и періодичность свойственны всякой жизни. Говорятъ объ органическихъ и критическихъ эпохахъ, объ эпохахъ ночныхъ и дневныхъ, сакральныхъ и секулярныхъ. Намъ суждено жить въ историческое время смѣны эпохъ. Старый міръ новой исторіи (онъ то, именующій себя все еще по старой привычкѣ „новымъ“, состарился и одряхлѣлъ) кончается и разлагается и нарождается невѣдомый еще новый міръ. И замѣчательно, что этотъ конецъ стараго міра и рожденіе новаго однимъ представляется „революціей“, другимъ же представляется „реакціей“. „Революціонность“ и „реакціонность“ такъ сейчасъ перепутались, что потерялась всякая отчетливость въ употребленіи этихъ терминовъ. Эпоху нашу я условно обозначаю, какъ конецъ новой исторіи и начало новаго средневѣковья. Я не предсказываю, какимъ путемъ необходимо пойдетъ исторія, я хочу лишь про-

блематически начертать идеальныя черты и тенденціи новаго типа общества и культуры¹⁾). Мысли мои часто совершенно превратно понимаютъ и изъ нихъ дѣлаютъ совершенно неправильныя выводы. Я объясняю это тѣмъ, что мой образъ мыслей истолковываютъ въ категоріяхъ новой исторіи, что его хотятъ отнести къ одному изъ направленій новой исторіи, въ то время какъ существо моей мысли въ томъ и заключается, что всѣ категоріи мысли новой исторіи, всѣ ея направленія кончены и начинается мышленіе иного міра, міра новаго средневѣковья. Духовныя начала новой исторіи изжиты, духовныя силы ея истощены. Раціональный день новой исторіи кончается, солнце его заходитъ, наступаютъ сумерки, мы приближаемся къ ночи. Всѣ категоріи пережитаго уже солнечнаго дня непригодны для того, чтобы разобратъся въ событіяхъ и явленіяхъ нашего вечерняго историческаго часа. По всѣмъ признакамъ мы выступили изъ дневной исторической эпохи и вступили въ эпоху ночную. Это чувствуютъ наиболѣе чуткіе люди²⁾). Плохо ли это, мрачно ли это, пессимистично ли это? Самая постановка такого

¹⁾ Этотъ этюдъ можетъ быть чѣмъ-то вродѣ программнаго разъясненія къ мыслямъ, развитымъ въ моемъ „Конце Ренессанса“ (см. „Софія“) и въ книгахъ „Смыслъ исторіи“ и „Философія неравенства“.

²⁾ О мировомъ кризисѣ, о смѣнѣ эпохъ говорятъ Шпенглеръ, Кейзерлингъ, Шпаннъ, Т. Лессингъ, Г. Ферреро, у насъ Р. Випперъ, все люди очень разныхъ міровоззрѣній. Изъ писателей художниковъ наиболее чувствителенъ къ историческому кризису А. Бѣлый.

рода вопросовъ совершенно невѣрна, глубоко антиисторична, слишкомъ рационалистична. Падаютъ ложные покровы и обнажается добро и зло. Ночь не менѣе хороша, чѣмъ день, не менѣе божественна, въ ночи ярко свѣтятъ звѣзды, въ ночи бываютъ откровенія, которыхъ не знаетъ день. Ночь первозданнѣе, стихійнѣе, чѣмъ день. Бездна (Ungrund) Я. Беме раскрывается лишь въ ночи. День набрасываетъ на нее покровъ. Тютчевъ, великій поэтъ ночной стихіи, повѣдалъ намъ тайну соотношенія дня и ночи.

Надъ этой бездной безъимянной
Покровъ наброшенъ златотканый
Высокой волею боговъ.
День — сей блистательный покров.
...Настала ночь;
Пришла — и съ міра рокового
Ткань благодатную покрыва
Собравъ, отбрасываетъ прочь...
И бездна намъ обнажена
Съ своими страхами и мглами,
И нѣтъ преградъ межъ ней и нами:
Вотъ отчего намъ ночь страшна!

Когда наступаютъ сумерки, теряется ясность очертаній, твердость границъ.

Тѣни сизыя смѣсились,
Цвѣтъ поблекнулъ, звукъ уснулъ;
Жизнь, движеніе разрѣшились
Въ сумракъ зыбкій, въ дальній гулъ...

Тютчевъ характеризуетъ это время, какъ „часъ тоски невыразимой“. Мы живемъ въ этотъ часъ смѣшенія, въ часъ тоски, когда бездна обнажилась и всѣ покровы сброшены. Тютчевъ называетъ ночь „святой“ и вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ, что в часъ ночи

...Человѣкъ, какъ сирота бездомный,
Стоитъ теперь и немощенъ и голъ,
Лицомъ къ лицу предъ этой бездной темной...
И чудится давно минувшимъ сномъ
Теперь ему все свѣтлое, живое
И въ чуждомъ, неразгаданномъ nocturno
Онъ узнаетъ наслѣдье роковое.

Ночь метафизичнѣе, онтологичнѣе дня. Дневной покровъ не только въ природѣ, но и в исторіи не проченъ, онъ легко скрывается, въ немъ нѣтъ глубины. И весь смыслъ нашей эпохи, столь несчастливомъ для внѣшней жизни отдѣльныхъ людей, въ обнаженіи бездны бытія, въ стояніи лицомъ къ лицу передъ первоосновой жизни, въ раскрытіи „наслѣдія рокового“. Это и означаетъ вступленіе въ ночь.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,
Земная жизнь кругомъ объята снами.
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьетъ о берегъ свой.
То гласъ ея: онъ будитъ насъ и просить.
Ужъ въ пристани волшебной ожилъ чолнъ...

Приливъ растеть и быстро насъ уносить
Въ неизмѣримость темныхъ волнь.
Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины.
И мы плывемъ пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

Тютчева принято считать поэтомъ природы, ея ночной стихіи. Стихи его, посвященные исторіи, совсѣмъ иные, они написаны еще при свѣтѣ историческаго дня. Но Тютчевъ глубже, чѣмъ думаютъ. Онъ — вѣщее явленіе. Онъ предшественникъ ночной исторической эпохи, провидѣць ея. Поэтому наступающей ночи былъ и А. Блокъ. „Развязаны дикія страсти подъ игомъ ущербной луны“. Онъ видѣлъ не „зори“, какъ думаетъ про него и про себя А. Бѣлый, а наступающіе сумерки ночи. Оба они сами не понимали своихъ предчувствій и давали ложную символику грядущей „революціи“. Революція не восходъ, не заря, не начало новаго дня, а закатъ, сумерки, конецъ стараго дня. Мы вступаемъ въ періодъ историческаго странствованія, про которое можно сказать: „мы плывемъ, пылающею бездной со всѣхъ сторонъ окружены“; „приливъ растеть и быстро насъ уносить въ неизмѣримость темныхъ волнь“. А вспомните прославленіе ночи у Микель-Анжело, въ его „днѣ и ночи“. День можетъ изолгаться, порядокъ дня можетъ истомить, энергія дня истощиться, покровы дня разложиться. Человѣкъ, живущій на поверхности, можетъ стосковаться по приобщенію къ

первоосновамъ, первоистокамъ бытія. Самый процессъ движенія въ глубину, въ нѣдра долженъ прежде всего производить впечатлѣніе угасанія дневного свѣта, погруженія во тьму. Старая символика исторической плоти рушится и человѣчество ищетъ новой символики, которая должна выразить совершающееся въ духовной глубинѣ.

День исторіи передъ смѣной ночью всегда кончается великими потрясеніями и катастрофами, онъ не уходитъ мирно. Закатъ историческаго дня античнаго міра сопровождался большими потрясеніями и катастрофами, онъ давалъ чувство безвозвратной гибели. Начало новой эпохи сопровождается варваризаціей. Въ исторической космосъ, образованный античной цивилизаціей, ворвались хаотическія силы. И мы всегда должны помнить, что страшныя войны и революціи, крушенія культуръ и гибель государствъ не только создаются злой волей людей, но также посылаются Провидѣніемъ. Мы живемъ въ эпоху аналогичную эпохѣ гибели античнаго міра. Тогда былъ закатъ культуры несоизмѣримо болѣе высокой, чѣмъ культура новаго времени, чѣмъ цивилизація XIX вѣка. Тогда не могли еще понять, что Платонъ, — величайшее явленіе культуры эллинской, былъ обращенъ къ грядущей ночной эпохѣ, былъ уже выходомъ за предѣлы эллинскаго дня. И въ наши дни есть еще историки, какъ напримѣръ Белохъ, которые видятъ въ Платонѣ реакцію противъ поступательнаго, прогрессивнаго хода греческаго просвѣщенія и греческой цивилизаціи. Да, конечно,

реакцію, но реакцію, которой суждено было длиться очень долго, тысячелѣтія, реакцію, обращенную впередъ, къ грядущей эпохѣ. Такимъ реакціонеромъ суждено, вѣроятно, быть Достоевскому. Средневѣковье можно назвать ночной эпохой всемірной исторіи. И это совсѣмъ не въ смыслѣ „мрака средневѣковья“, выдуманнаго просвѣтителями новой исторіи, а въ болѣе глубокомъ и онтологическомъ смыслѣ слова. Новымъ средневѣковьемъ я называю ритмическую смѣну эпохъ, переходъ отъ раціонализма новой исторіи къ ирраціонализму или сверхнаціонализму средневѣковаго типа. Пусть просвѣтителямъ новой исторіи это представляется мракобѣсіемъ. Меня это мало беспокоитъ. Я думаю, что сами эти просвѣтители люди въ высшей степени „отсталые“, что образъ мыслей ихъ совершенно „реакціонный“ и цѣликомъ принадлежитъ отживающей эпохѣ. Я исхожу изъ глубокаго убѣжденія въ томъ, что нѣтъ возврата ни къ тому образу мыслей, ни къ тому строю жизни, которые господствовали до міровой войны, до революціи и потрясеній, захватившихъ не только Россію, но и Европу и весь міръ. Всѣ привычныя категоріи мысли и формы жизни самыхъ „передовыхъ“, „прогрессивныхъ“, даже „революціонныхъ“ людей XIX и XX вѣка безнадежно устарѣли и потеряли всякое значеніе для настоящаго и особенно для будущаго. Всѣ термины, всѣ слова, всѣ понятія должны употребляться въ какомъ-то новомъ, болѣе углубленномъ, болѣе онтологическомъ смыслѣ. Скоро неловко, невоз-

можно уже будетъ употреблять снова, примѣняя къ нимъ старыя квалификаціи „прогрессивности“ или „реакціонности“. Скоро слова получатъ свой подлинный онтологическій смыслъ. Скоро для всѣхъ будетъ поставленъ вопросъ о томъ, „прогрессивенъ“ ли „прогрессъ“ и не былъ ли онъ часто довольно мрачной „реакціей“, реакціей противъ смысла міра, противъ подлинныхъ основъ жизни. Условимся въ употребленіи словъ, чтобы избѣжать совершенно лишнихъ и праздныхъ споровъ о словахъ.

* . *

*

Русскіе люди очень любятъ обсуждать вопросъ о томъ, реакціонно ли что-либо или нѣтъ. Имъ даже это представляется главной задачей всякой критики. Это есть старинный обычай русской мыслящей интеллигенціи. Можно было надѣяться, что революція отучитъ отъ этой дурной привычки. Но нѣтъ, и до сихъ поръ у насъ ведутъ безконечные и нудные споры о томъ, что реакціонно и что прогрессивно, какъ будто не перевернулось все въ мірѣ вверхъ ногами, какъ будто бы старые интеллигентскіе критеріи сохранили еще хоть какой-либо смыслъ. Попробуйте примѣнить къ эпохамъ всемірной исторіи ваши критеріи реакціонности или революціонности, правости или лѣвости. Тогда понятна станетъ вся смѣхотворность этихъ критеріевъ, весь жалкій провинціализмъ мысли, протекающей въ этихъ категоріяхъ. Въ эпоху

паденія античнаго міра и явленія христіанства „реакціонно“ было отстаивать начала античнаго просвѣщенія и античной цивилизаціи и въ высшей степени „прогрессивно“ и даже „революціонно“ было отстаивать тѣ духовныя начала, которыя потомъ восторжествовали въ средневѣковой культурѣ. Творческое движеніе впередъ, революція духа того времени вели къ „мраку средневѣковья“. Не послѣдніе граждане, не послѣдніе писатели и философы античнаго міра, а отцы и учителя Церкви были людьми подлиннаго движенія духа. Въ эпоху Ренессанса, на зарѣ новой исторіи возвратъ къ античности, къ древнимъ началамъ культуры былъ творческимъ движеніемъ впередъ. Ж. де Местръ, романтическое движеніе начала XIX вѣка было реакціей противъ французской революціи и просвѣщенія XVIII вѣка, но это было творческимъ движеніемъ впередъ, оплодотворившимъ всю мысль послѣдующаго вѣка. Можно было бы сказать, что „реакціоннымъ“ является возвратъ къ недавнему прошлому, къ тому строю мыслей и строю жизни, которые господствовали до начала революціи, переворота и кризиса¹⁾. Такъ послѣ французской революціи совершенно реакціонно было возвращеніе къ духовному и матеріальному строю XVIII-го вѣка, который и привелъ къ революціи, и совсѣмъ не реакціонно возвращеніе къ средневѣковымъ

¹⁾ Эта мысль прекрасно развита кн. Н. С. Трубецкимъ въ статьѣ „У дверей (Реакція? Революція?)“ въ сборникѣ „Евразійскій Временникъ“.

началамъ, къ вѣчному въ нихъ, къ вѣчному въ прошломъ. Къ слишкомъ временному и тлѣнному въ прошломъ нельзя вернуться, но можно вернуться къ вѣчному въ прошломъ. Въ наше время „реакціоннымъ“ нужно признать возвратъ къ тѣмъ началамъ новой исторіи, которыя восторжествовали окончательно въ обществѣ XIX вѣка и нынѣ разлагаются. Призывъ задержаться на началахъ новой исторіи и есть „реакція“ въ глубочайшемъ смыслѣ слова, помѣха на путяхъ творческаго движенія. Старый міръ, который рушится и къ которому не должно быть возврата, и есть міръ новой исторіи съ его раціоналистическимъ просвѣщеніемъ, съ его индивидуализмомъ и гуманизмомъ, съ его либерализмомъ и демократизмомъ, съ его блестящими національными монархіями и имперіалистической политикой, съ его чудовищной индустріально-капиталистической системой хозяйства, съ его могущественной техникой и внѣшними завоеваніями и успѣхами, съ безудержной и безграничной похотью жизни, съ его безбожіемъ и бездушіемъ, съ разъяренной борьбой классовъ и социализмомъ, какъ увѣчаніемъ всего пути новой исторіи. Мы охотно готовы пропѣть слова революціонной пѣсни „Отречемся отъ стараго міра“, разумѣя подъ „старымъ міромъ“ этотъ міръ новой исторіи, обреченный на гибель.

Когда мы говоримъ, что какой-либо историческій міръ обреченъ на гибель, мы, конечно, не хотимъ сказать, что ничего отъ этого міра не останется, что въ немъ ничего нѣтъ для вѣчности,

633

что само существованіе его было абсолютно без-
смысленнымъ. Этого нельзя сказать ни про какую
историческую эпоху. Не случайно была пере-
жита новая исторія. Въ ней было великое на-
пряженіе человѣческихъ силъ, великое испытаніе
человѣческой свободы. Мы не хотимъ забыть
Леонардо и Микель Анжело, Шекспира и Гете, и
всѣхъ великихъ провозвѣстниковъ свободы чело-
вѣка. Гуманистическое самоутвержденіе было
существеннымъ моментомъ въ судьбахъ чело-
вѣческаго духа и опытъ пережитый въ немъ не
пропадетъ даромъ, обогатитъ чело-
вѣка. Ересь
гуманизма, созданная новой исторіей, поставила
великую тему и въ ней была своя искаженная
исторія. Въ новое средневѣковье войдетъ опытъ
свободы, пережитый въ новой исторіи, и всѣ по-
ложительныя завоеванія совѣсти и большая утон-
ченность души. Послѣ опыта новой исторіи не-
возможно вернуться къ старому средневѣковью,
возможно лишь новое средневѣковье, какъ послѣ
опыта средневѣковья невозможенъ былъ возвратъ
къ старому античному міру, а возможно было
лишь Возрожденіе, представлявшее очень сложное
взаимодѣйствіе христіанскихъ и языческихъ началъ.
Не погибъ окончательно античный міръ, не погибъ
окончательно и міръ средневѣковой, хотя и для
того и для другого міра наступилъ свой истори-
ческой часъ смѣны. Такъ и сейчасъ исторической
міръ переживаетъ великую революцію, не комму-
нистическую революцію, которая въ глубинѣ своей
совершенно „реакціонна“ и есть лишь гніеніе

разложившихся элементовъ стараго міра, а революцію духа. Призывъ къ новому средневѣковью въ нашу эпоху и есть призывъ къ революціи духа, къ новому сознанию. Гуманизмъ новой исторіи изжить и во всѣхъ сферахъ культуры и общественной жизни переходитъ въ свою противоположность, приводитъ къ отрицанію образа человѣка. Это я выяснялъ въ статьѣ „Конецъ Ренессанса“ и книгѣ „Смысль исторіи“. Гуманистическая идеологія въ наши дни и есть „отста-лая“ и „реакціонная“ идеологія. Лишь тѣ антигуманистическіе выводы, которые сдѣлалъ изъ гуманизма коммунизмъ, стоятъ на уровнѣ нашей эпохи и связаны съ ея движеніемъ. Мы живемъ въ эпоху обнаженій и разоблаченій. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который въ другіе времена представлялся столь невиннымъ и возвышеннымъ. Если нѣтъ Бога, то нѣтъ и человѣка — вотъ что опытно обнаруживаетъ наше время. Обнажается и разоблачается природа социализма, выявляются его послѣдніе предѣлы, обнажается и разоблачается, что безрелигіозности, религіозной нейтральности не существуетъ, что религія живого Бога противоположна лишь религія діавола, что религія Христа противоположна лишь религія антихриста. Нейтральное гуманистическое царство, которое хотѣло устроиться въ срединной сферѣ между небомъ и адомъ, разлагается и обнаруживается верхняя и нижняя бездна. Богочеловѣку противостоитъ не человѣкъ нейтральнаго и срединнаго царства, а человѣкобогъ, человѣкъ поста-

вившій себя на мѣсто Бога. Обнаруживаются противоположные полюсы бытія и небытія.

Религія не можетъ быть частнымъ дѣломъ, какъ того хотѣла новая исторія, она не можетъ быть автономна и не могутъ быть автономны всѣ другія сферы культуры. Религія опять дѣлается въ высшей степени общимъ, всеобщимъ, всеопредѣляющимъ дѣломъ. Коммунизмъ это показываетъ. Онъ отмѣняетъ автономный и секулярный принципъ новой исторіи, онъ требуетъ „сакральнаго“ общества, „сакральной“ культуры, подчиненія всѣхъ сторонъ жизни религіи діавола, религіи антихриста. Въ этомъ огромное значеніе коммунизма. Въ этомъ онъ выходитъ за предѣлы новой исторіи, подчиняется совсѣмъ иному принципу, который я называю средневѣковымъ. Разложеніе срединно-нейтральнаго, секулярнаго гуманистическаго царства, обнаруженіе во всемъ полярно-противоположныхъ началъ и есть конецъ безрелигіозной эпохи новаго времени, начало религіозной эпохи, эпохи новаго средневѣковья. Это не значить, что въ новомъ средневѣквьи обязательно количественно побѣдитъ религія истиннаго Бога, религія Христа, но это значить, что въ эту эпоху вся жизнь со всѣхъ своихъ сторонъ становится подъ знакъ религіозной борьбы, религіозной поляризаціи, выявленія предѣльныхъ религіозныхъ началъ. Эпоха обостренной борбы религіи Бога и религіи діавола, началъ христовыхъ и началъ антихристовыхъ будетъ уже не секулярной, а религіозной, сакральной эпохой по своему типу, хотя бы количественно

побѣждала религія діавола и духъ антихриста. По-этому русскій коммунизмъ съ разворачивающейся при немъ религіозной драмой принадлежитъ уже новому средневѣковью, а не старой новой исторіи. Вотъ почему о русскомъ коммунизмѣ совсѣмъ нельзя мыслить въ категоріяхъ новой исторіи, при-мѣнять къ нему категоріи свободы или равенства въ духѣ французской революціи, категоріи гума-нистическаго міровоззрѣнія, категоріи демократіи и даже гуманистическаго соціализма. Въ русскомъ большевизмѣ есть запредельность и потусторон-ность, есть жуткое касаніе чего-то послѣдняго. Трагедія русскаго большевизма разыгрывается не въ дневной атмосферѣ новой исторіи, а въ ноч-ной стихіи новаго средневѣковья. Ориентироваться въ русскомъ коммунизмѣ можно лишь по звездамъ. Чтобы понять смыслъ русской революціи мы должны перейти отъ астрономіи новой исторіи къ астрологіи средневѣковья. Россія — въ этомъ своеобразіе ея судьбы — никогда не могла принять цѣликомъ гуманистической культуры новаго вре-мени, его рационалистическаго сознанія, его фор-мальной логики и формальнаго права, его религіоз-ной нейтральности, его секулярной серединности. Россія никогда не выходила окончательно изъ сред-невѣковья, изъ сакральной эпохи, и она какъ-то почти непосредственно перешла отъ остатковъ стараго средневѣковья, отъ старой теократіи къ новому средневѣковью, къ новой сатанократіи. Въ Россіи и гуманизмъ переживался въ предѣльныхъ формахъ челоуѣкобожества, въ духѣ Кирилова,

П. Верховенскаго, И. Карамазова, а совсѣмъ не въ духъ западной гуманистической исторіи новаго времени. Вотъ почему Россіи въ переходѣ отъ новой исторіи къ новому средневѣковью будетъ принадлежать совсѣмъ особое мѣсто. Она скорѣе родитъ антихриста, чѣмъ гуманистическую демократію и нейтральную гуманистическую культуру.

* *
*

Переходъ къ новому средневѣковью, какъ нѣкогда переходъ къ старому средневѣковью, сопровождается примѣтнымъ разложеніемъ старыхъ обществъ и непримѣтнымъ сложеніемъ новыхъ. Старый, устойчивый, сложившійся общественный и культурный космосъ опрокидывается силами хаотическими и варварскими. Но существовали ли подлинный космосъ въ новой исторіи? XIX-ый вѣкъ гордился своимъ правосознаніемъ, своими конституціями, единствомъ своего научнаго метода и научной культуры. Но полнаго внутренняго единства новая исторія создать не могла. Индивидуализмъ, атомизмъ заложенъ былъ въ ея первоосновахъ. На протяженіи всей новой исторіи нарасталъ внутренній распадъ обществъ, возстаніе человѣка на человѣка, класса на классъ. Борьба за противоположные интересы, конкуренція, глубокое уединеніе и покинутость cadaго человѣка характеризуютъ типъ обществъ новаго времени. Въ духовной и идейной жизни этихъ обществъ обнаруживалась все нарастающая анархія, утеря

единого центра, единой верховной цѣли. Это воспринималось, какъ автономія всѣхъ сферъ культурной и общественной жизни, какъ секуляризація общества. Новая исторія поняла свободу, какъ индивидуализмъ, какъ формальное право каждаго человѣка и каждой сферы культуры на самоопредѣленіе. Самый процессъ новой исторіи былъ понятъ, какъ освобожденіе. Но отъ чего освобожденіе и для чего освобожденіе? Освобожденіе отъ старыхъ принудительныхъ теократій, отъ стараго гетерономнаго сознанія. Старыя принудительныя теократіи не могли удержаться и старое гетерономное сознаніе должно было быть преодолено. Свобода духа есть неотъемлимое и вѣчное достиженіе. Но для чего, во имя чего должно было совершаться освобожденіе? Этого не знаетъ духъ новаго времени. Онъ имѣлъ или не зналъ всего во имя. Во имя человѣка, во имя гуманизма, во имя свободы и счастья человѣческаго. Но тутъ нѣтъ никакого отвѣта. Нельзя освободить человѣка во имя свободы человѣка, не можетъ быть самъ человѣкъ цѣлью человѣка. Такъ упираемся мы въ совершенную пустоту. Человѣкъ лишается всякаго содержанія, ему не къ чему восходить. Свобода человѣка оказывается совершенно формальной и безсодержательной свободой. Индивидуализмъ есть по существу своему отрицательное исправленіе. Въ своемъ развитіи онъ не можетъ укрѣпить за человѣкомъ никакого содержанія. Индивидуализмъ совсѣмъ не онтологиченъ, онъ не имѣетъ никакой бытій-

ственной основы. Индивидуализмъ менѣ всего укрѣпляетъ личность, образъ челоуѣка. И въ индивидуалистическую эпоху совсѣмъ не процвѣтають яркія индивидуальности, сильныя личности. Индивидуалистическая цивилизація XIX вѣка съ ея демократіей, съ ея матеріализмомъ, съ ея техникой, съ общественнымъ мнѣніемъ, прессой, биржей и парламентомъ способствовала пониженію и паденію личности, отцвѣтенію индивидуальности, нивилировкѣ и всеобщему смѣшенію. Личность была сильнѣе и ярче въ средніе вѣка. Индивидуализмъ способствовалъ процессамъ уравниванія, стирающимъ всякія различія индивидуальностей. Индивидуализмъ, породившій атомизацію общества, привелъ и къ соціализму, который есть лишь обратная сторона атомистическаго распада, механическое сдѣпленіе атомовъ. Универсалистическая идея, столь характерная для средневѣковья, перестаетъ быть господствующей въ наше время. Но личность челоуѣка можетъ быть вкоренена лишь въ универсумѣ, лишь въ космосѣ, лишь тамъ находитъ она онтологическую почву и оттуда получаетъ свое высшее содержаніе. Личность есть лишь въ томъ случаѣ, если есть Богъ и божественное. Индивидуализмъ же отрываетъ личность отъ бытійственной почвы и отдаетъ ее на растерзаніе волъ вѣтровъ. Индивидуализмъ изжилъ въ новой исторіи всѣ свои возможности, въ немъ нѣтъ уже никакой энергіи, онъ не можетъ уже патетически переживаться. Конецъ духа индивидуализма есть конецъ новой исторіи. И всѣ по-

пытки преодоленія индивидуализма, внутрення, а не внѣшняя, есть уже выходъ за предѣлы новой исторіи. Въ этомъ смыслѣ О. Контъ по своему духовному типу былъ средневѣковымъ человѣкомъ, хотя и въ извращенной формѣ, онъ стремился преодолѣть индивидуалистическую анархію. Въ наши дни индивидуализмъ сталъ совершенно „реакціоннымъ“ явленіемъ, хотя бы онъ и продолжалъ гордо считать себя защитникомъ свободы, просвѣщенія, прогресса. И всѣ образованія, возникшіе на духовной почвѣ индивидуализма, разлагаются и въ существѣ своемъ „реакціонны“. Либерализмъ, демократія, парламентаризмъ, конституціонализмъ, юридическій формализмъ, гуманистическая мораль, раціоналистическая и эмпирическая философія — все это порожденія индивидуалистическаго духа, гуманистическаго самоутвержденія и всѣ они отживаютъ, теряютъ прежнее значеніе. Все это отходящій день новой исторіи.

Въ часъ сумерокъ, въ часъ заката всѣ эти формы теряютъ свои рѣзкія очертанія. Человѣкъ становится лицомъ къ лицу передъ тайной жизни, передъ Богомъ, онъ погружается въ универсалистическую, космическую атмосферу. Индивидуализмъ заковалъ человѣка въ самомъ себѣ и въ формахъ, которыми отдѣлилъ себя человѣкъ отъ другихъ людей и отъ міра. Эти оковы падаютъ, эти формы низвергаются. Человѣкъ выходитъ къ общности. Наступаетъ универсалистическая, коллективистическая эпоха. Человѣкъ перестаетъ вѣ-

рить въ то, что онъ можетъ охранить себя, размежевываясь съ другими путемъ раціоналистическаго мышленія, гуманистической морали, формальнаго права, либерализма, демократіи и парламента. Всѣ эти формы обнаруживаютъ лишь глубокой раздоръ въ челоѳчествѣ, разобщенность, отсутствіе единого духа, всѣ онѣ являются формами узаконеннаго разъединенія, договорами о томъ, чтобы другъ друга оставить въ покоѣ, въ одиночествѣ, въ нежеланіи избрать истину. Раціонализмъ, гуманизмъ, правовой формализмъ, либерализмъ, демократизмъ, — все это формы мысли и жизни, которыя строятся при предположеніи что Истина неизвѣстна и что Истины, быть можетъ, совсѣмъ нѣтъ, онѣ не хотятъ знать Истины. Истина есть соединеніе, а не разъединеніе и разграниченіе, она совсѣмъ не заинтересована въ томъ, чтобы такъ исключительно охранять возможность заблужденія, права на ея отрицаніе и поношеніе, хотя сама Истина можетъ быть Истиной о свободѣ. Но вѣдь, что такое гуманистическая демократія, как не провозглашеніе прежде всего права на заблужденіе и ложь, какъ не политической релятивизмъ и софистика, какъ не отданіе судьбы Истины на рѣшеніе большинства голосовъ? Что такое раціоналистическая философія, какъ не самоутвержденіе индивидуальнаго разума, отпавшаго отъ Истины, отъ истоковъ бытія, какъ не утвержденіе правъ мышленія, не желающаго избрать Истину и отъ нея получить силу для познанія? Что такое парламентъ, какъ не узаконеніе раздора, какъ не преобладаніе

„мнѣній“ надъ „знаніемъ“ (употребляю эти слова въ Платоновскомъ смыслѣ), какъ не безсиліе перейти къ жизни въ Истинѣ? Истина должна быть принята свободно, а не принудительно, Истина не терпитъ рабскаго къ себѣ отношенія. Этому учитъ насъ христіанство. Но время новой исторіи слишкомъ долго задержалось на формальной свободѣ въ принятіи Истины, не совершивъ своего избранія, и потому образовало оно формы мысли и жизни, обоснованныя не на Истинѣ, а на формальномъ правѣ избирать какую угодно истину или ложь, т. е. создало безпредметную культуру, безпредметное общество, не знающее во имя чего оно существуетъ. Такъ дошло новое время до предпочтенія небытія бытію. Не можетъ человѣкъ жить только для себя и служить только себѣ. Если нѣтъ у него истиннаго Бога, то онъ создаетъ себѣ ложныхъ боговъ. Онъ не хотѣлъ получить свободу отъ Бога, но попалъ въ жестокое рабство къ ложнымъ богамъ, къ идоламъ. Не свободенъ духомъ человѣка новаго времени, человѣкъ кончающейся новой исторіи и не во имя свободы совершаетъ онъ свои возстанія и бунты, не во имя свободы отрицаетъ онъ Истину. Онъ находится во власти невѣдомаго ему господина, сверхчеловѣческой и нечеловѣческой силы, которая овладѣваетъ обществомъ, не желающимъ знать Истины, Истины Господа. Лишь въ коммунизмѣ пріоткрылась власть этого господина. Но это уже оказывается выходомъ за пределы новой исторіи. Приходится выбирать. Формальная сво-

бода новой исторіи кончается, необходимо перейти къ содержанію свободы, къ содержательной свободѣ.

Рушатся основы міросозерцанія XIX вѣка и потому рушатся обоснованныя на немъ государства и культуры. Рушатся государства монархическія и демократическія, одинаково имѣвшія въ своей первоосновѣ гуманизмъ. Переживаетъ кризисъ и крахъ не та или иная форма государства, а само государство. Крѣпкихъ, долготѣныхъ государствъ не осталось. Ни одно государство не знаетъ, что будетъ съ нимъ завтра. Никакой легитимизмъ, легитимизмъ ли старыхъ монархій или легитимизмъ новыхъ демократій съ ихъ формальной идеей народовластія, не имѣетъ болѣе силы надъ душами людей. Никто болѣе не вѣритъ ни въ какія юридическія и политическія формы, никто ни въ грошъ не ставитъ никакихъ конституцій. Все рѣшается реальной силой. Правъ Лассаль въ своей замѣчательной рѣчи о конституціи. Государства держатся не юридическими, а соціально-біологическими основами. Это окончательно обнаружила міровая война, совершенно дискредитировавшая идею формальнаго права. Итальянскій фашизмъ не менѣе, чѣмъ коммунизмъ, свидѣтельствуетъ о кризисѣ и крахѣ старыхъ государствъ. Въ фашизмѣ спонтанныя общественныя соединенія идутъ на смѣну старому государству и берутъ на себя организацію власти. Добровольческая фашистская армія существуетъ на ряду съ старой государственной арміей, фашистская полиція на ряду

съ старой государственной полиціей и имѣть реальное преобладаніе. Это не есть принципъ новой исторіи, это скорѣе принципъ конца римской имперіи и начала средневѣковья. И фашизмъ, единственное творческое явленіе въ политической жизни современной Европы, есть въ такой же мѣрѣ новое средневѣковье, какъ и коммунизмъ. Фашизмъ глубоко противоположенъ принципу формальнаго легитимизма, онъ не хочетъ его знать, онъ есть непосредственное обнаруженіе воли къ жизни и воли къ власти, обнаруженіе біологической силы, а не права. Паденіе законнаго принципа власти, правового принципа монархій и демократій, и замѣна его принципомъ силы, жизненной энергіи спонтанныхъ общественныхъ группъ и соединеній, я условно называю новымъ средневѣковьемъ. Фашизмъ не знаетъ, во имя чего онъ дѣйствуетъ, но онъ переходитъ уже отъ юридическихъ формъ къ самой жизни. Совершенно также потеряла власть надъ душами людей рачіоналистическая философія, легитимизмъ познанія, обоснованный гносеологически. Гносеологія и есть юриспруденція въ познаніи, формалистика, законничество. Теперь все движеніе мысли ищетъ философіи жизни и жизненной философіи, хочетъ перейти къ предметности. Въ философскомъ мышленіи тоже обнаруживается своего рода фашизмъ. Онъ также еще не знаетъ своего „во имя“, но переходитъ отъ формы къ содержанію, отъ вопроса о законныхъ правахъ познанія къ вопросу о самомъ познаніи жизни и бытія. Вліятельная

философія перестаєть быть академической, школьной, какъ вліятельная политика перестаєть быть парламентской. Все это симптомы одного и того же процесса, стремленіе приобщиться къ жизни. Міръ проходитъ черезъ хаосъ, но стремится къ образованію духовнаго космоса, универсума, подобнаго средневѣковому. Упадокъ долженъ предшествовать новому средневѣковью. Нужно прослѣдить элементы отмирающіе и элементы нарождающіеся. Но все время нужно помнить, что въ силу присущей человѣчеству свободы оно можетъ идти двумя путями, что будущее двойственно. Я пытаюсь начертить путь, которымъ оно должно идти, все время имѣя въ виду эту двойственность.

* *
*

Индивидуализмъ, атомизація общества, безудержная похоть жизни, неограниченный ростъ народонаселенія и неограниченный ростъ потребностей, упадокъ вѣры, ослабленіе духовной жизни — все это привело къ созданію индустріально капиталистической системы, которая измѣнила весь характеръ человѣческой жизни, весь стиль ея, оторвавъ жизнь человѣческую отъ ритма природы. Машина, техника, та власть, которую она съ собой приноситъ, та быстрота движенія, которую она порождаетъ, создаютъ химеры и фантазмы, направляютъ жизнь человѣческую къ фикціямъ, которые производятъ впечатлѣніе наиреальнѣйшихъ реальностей. Много ли есть онтологически реального

въ биржахъ, банкахъ, въ бумажныхъ деньгахъ, въ чудовищныхъ фабрикахъ, производящихъ ненужные предметы или орудія истребленія жизни, во внѣшней роскоши, въ рѣчахъ парламентаріевъ и адвокатовъ въ газетныхъ статьяхъ, много ли есть реального въ ростѣ ненасытныхъ потребностей? Повсюду раскрывается дурная безконечность, не знающая завершенія. Вся капиталистическая система хозяйства есть дѣтище пожирающей и истребляющей похоти. Она могла возникнуть лишь въ обществѣ, которое окончательно отказалось отъ всякаго христіанскаго аскетизма, отвернулось отъ неба и исключительно отдалось земнымъ удовольствіямъ. Капитализмъ совершенно невозможно мыслить, какъ сакральное хозяйство, онъ, конечно, есть результатъ секуляризаціи хозяйственной жизни. Въ этой системѣ нарушается истинное іерархическое соподчиненіе матеріальнаго духовному. Экономизмъ нашей исторической эпохи и есть нарушеніе истиннаго іерархизма человѣческаго общества, утеря духовнаго центра. Автономія хозяйственной жизни привела къ ея господству надъ всей жизнью человѣческихъ обществъ. Мамонизмъ сталъ определяющей силой вѣка, который болѣе всего поклоняется золотому тельцу. И ужаснѣе всего, что въ этомъ ничѣмъ не прикрытомъ мамонизмѣ вѣкъ нашъ видитъ великое преимущество познанія истины, освобожденія отъ иллюзій. Экономическій матеріализмъ наиболѣе совершенно это формулировалъ, онъ призналъ иллюзіей и обманомъ всю духовную

жизнь человечества. Соціализмъ есть лишь дальнѣйшее развитіе индустріально-капиталистической системы, лишь окончательное торжество заложенныхъ въ ней началъ и всеобщее ихъ распространеніе. Соціалисты берутъ у буржуазнаго капиталистическаго общества его матеріализмъ, его безбожіе, его поверхностное просвѣтительство, его нелюбовь къ духу и духовной жизни, его жадность къ жизни, къ ея успѣхамъ и удовлетвореніямъ, его борьбу за эгоистическіе интересы, его неспособность къ внутренней сосредоточенности. Капитализмъ и соціализмъ одинаково сопровождаются упадкомъ и угасаніемъ духовнаго творчества, убылью духа въ человѣческомъ обществѣ. Они возникаютъ на почвѣ убыли духа, какъ результатъ долгаго историческаго пути отпаденія отъ духовнаго центра жизни, отъ Бога. Вся энергія направилась во внѣ. Это и есть переходъ культуры въ цивилизацію. Отмираетъ вся священная символика культуры. Тотъ духъ проявлялся уже въ древнихъ культурахъ и ветхозавѣтные пророки обличаютъ его. Насколько выше, духовнѣе, потустороннѣе была культура древняго Египта или культура средневѣковья, чѣмъ современная культура XIX и XX вѣка. Намъ предстоитъ несомнѣнный фактъ: въ новой исторіи, гордой своимъ прогрессомъ, центръ тяжести жизни перемѣщается изъ духовной сферы въ матеріальную, изъ внутренней во внѣшнюю жизнь, общество становится все менѣе религіознымъ. Не церковь, а биржа стала господствующей и регулирующей силой жизни. Ни за

какіе священные символы широкія массы не хотятъ уже бороться и умирать. Люди не живутъ уже спорами о догматахъ вѣры, не волнуются такъ тайнами божественной жизни, какъ въ старинныя времена. Они считаютъ себя свободными отъ священнаго безумія. Таковъ стиль нашей капиталистически - социалистической эпохи. Вотъ этой эпохѣ по многимъ признакамъ наступаетъ конецъ. Индустриально - капиталистическая эпоха оказалась хрупкой, она сама себя отрицаетъ, она порождаетъ катастрофы. Міровая война съ ея неслыханнымъ ужасомъ порождена этой системой. Современный империализмъ выросъ въ нѣдрахъ этой системы. Онъ пожираетъ самъ себя. Капиталистическая Европа начала себя милитаристически истреблять. Трудящіеся классы жили въ гипнозѣ индустриальной системы. Этотъ гипнозъ прекратился послѣ катастрофы міровой войны. Народы трудно будетъ вновь принудить къ той дисциплинѣ труда, которая господствовала въ капиталистическихъ обществахъ. И трудно будетъ возстановить прежнюю производительность труда. Социализмъ на это не способенъ. Духовныя основы труда разложились и еще не найдено новыхъ. Дисциплина труда есть жизненный вопросъ для современныхъ обществъ. Но это есть вопросъ объ освященіи и оправданіи труда. Вопросъ этотъ совсѣмъ не ставится ни въ капитализмѣ, ни въ социализмѣ, который самимъ трудомъ совсѣмъ не интересуется. Чтобы дольше жить обанкротившимся народамъ придется, быть можетъ,

вступить на иной путь, на путь ограниченія похоти жизни, ограниченія безконечнаго роста потребностей и роста народонаселенія, путь новаго аскетизма, т. е. отрицанія основъ индустріально-капиталистической системы. Это, конечно, не означаетъ отрицанія человѣческой изобрѣтательности и техники, но означаетъ измѣненіе ея роли, подчиненіе ея человѣческому духу. Придется по новому обратиться къ природѣ, къ сельскому хозяйству, къ ремесламъ. Городъ долженъ приблизиться къ деревнѣ. Придется организоваться въ хозяйственные союзы и корпораціи, принципъ конкуренціи замѣнить принципомъ коопераціи. Принципъ частной собственности въ вѣчной своей основѣ сохранится, но будетъ ограниченъ и одухотворенъ. Чудовищныхъ частныхъ богатствъ новой исторіи не будетъ. Равенства тоже не будетъ, но не будетъ и голодныхъ и погибающихъ отъ нужды. Придется перейти къ болѣе упрощенной и элементарной матеріальной культурѣ и болѣе сложной духовной культурѣ. Конецъ капитализма есть конецъ новой исторіи и начало новаго средневѣковья. Грандіозное предпріятіе новой исторіи нужно ликвидировать, оно не удалось. Но до этого быть можетъ еще сдѣлаетъ попытку развиваться техническая цивилизація до послѣднихъ предѣловъ, до черной магіи, равно какъ и коммунизмъ.

* *

*

Новая исторія создала формы націонализма, которыхъ на зналъ міръ средневѣковый. На Западѣ національныя движенія и національныя обособленія явились результатомъ реформаціи, протестантскаго партикуляризма. Духовная почва католичества никогда не привела бы къ такой обособленности, къ такимъ крайнимъ формамъ національнаго самоутвержденія. Образовались замкнутыя національныя монады, подобно тому, какъ въ замкнутыя монады превратились отдѣльные люди, человѣческіе индивидуальности. Это была атомозація христіанскаго человѣчества. И индивидуальности національныя и индивидуальности отдѣльныхъ людей перестаютъ сознать себя принадлежащими къ органическому реальному цѣлостямъ. Каждая ступень утверждаетъ лишь себя. Реформація и гуманизмъ дали духовную почву лишь для исключительнаго самоутвержденія и самозамыканія, разрушили идею вселенности. Сама религіозная жизнь приняла форму національной замкнутости. Единаго христіанскаго человѣчества, единаго духовнаго космоса уже нѣтъ въ новой исторіи. И католическая церковь превращается въ одну изъ замкнутыхъ силъ. Национализмъ новаго времени порожденъ индивидуализмомъ. Если взять еще глубже, то нужно будетъ сказать, что всѣ типическіе процессы новой исторіи, въ томъ числѣ и процессъ національныхъ обособленій, были результатомъ побѣды номинализма надъ средневѣковымъ реализмомъ. Въдѣ дальше и национальности подвергаются номиналистическому рас-

падению на классы, партии и проч. Процессы национальных индивидуализаций, конечно, имѣли огромное положительное значеніе, они обогащали, въ нихъ реальныя національныя личности приходили къ самосознанію, обнаруживали свою энергію. Но тѣ формы націонализма, до которыхъ дошли народы въ XIX и XX вѣкѣ и которые породили мировую войну, означаютъ распадъ чело-вѣчества, отпаденіе отъ всякаго духовнаго единства, возвратъ отъ христіанскаго монотеизма къ языческому политеизму. Национализмъ французскій, нѣмецкій, англійскій, итальянскій нашего времени — совершенно языческій, глубоко антихристіанскій и антирелигіозный. Французскій націонализмъ третьей республики есть въ значительной степени продуктъ атеизма. Угасла вѣра въ живого Бога и начали вѣрить въ ложнаго бога, въ націю, какъ идола, подобно тому, какъ другіе начали вѣрить въ злѣйшаго изъ идоловъ — въ интернационализмъ. Нація имѣетъ реальныя онтологическія основы (интернаціональ ихъ не имѣетъ), но она не должна замѣнять Бога. Нѣмцы стали вѣрить въ нѣмецкаго Бога. Но нѣмецкій богъ не есть христіанскій Богъ, это — языческій богъ, также какъ и русскій богъ. Передъ лицомъ христіанскаго Бога, единаго Бога нѣтъ ни элина, ни іудея. Христіанство явилось въ міръ и побѣдило міръ въ атмосферѣ универсализма, когда образовалось единое чело-вѣчество черезъ эллинистическую культуру и римскую имперію. Самое явленіе христіанства означало выходъ изъ языче-

скаго націонализма и партикуляризма. Въ концѣ новой исторіи мы вновь видимъ передъ собой расковавшійся міръ языческаго партикуляризма, внутри котораго происходитъ смертельная борьба и истребленіе. Но это одна сторона. Есть и другая сторона.

Мы вступаемъ въ эпоху во многомъ аналогичную эпохѣ эллинистической. Если никогда не было такого разъединенія и вражды, то никогда на протяженіи новой исторіи не было такого мірового сближенія и объединенія. Кровавый раздоръ міровой войны способствовалъ сближенію и братанію народовъ, объединенію расъ и культуръ. Міровая война вывела Европу изъ ея замкнутаго состоянія. Судьба всѣхъ національностей перестала быть замкнутой и изолированной, всѣ отъ всѣхъ зависятъ. Устройство всякаго народа нынѣ зависитъ отъ состоянія всего міра. То, что совершается въ Россіи, отзывается на всѣхъ странахъ и народахъ. Никогда еще не было такого соприкосновенія міра Запада и міра Востока, которые долго жили изолированно. Культура перестаетъ быть европейской, она становится всемірной. Европа принуждена будетъ отказаться отъ того, чтобы быть монополистомъ культуры. Россія, стоящая въ центрѣ Востока и Запада, хотя страшнымъ и катастрофическимъ путемъ, получаетъ все болѣе ошутительное міровое значеніе, становится въ центрѣ мірового вниманія. Еще до міровой войны имперіализмъ въ своей неотвратимой діалектикѣ выводилъ государства и народы изъ ихъ

замкнутого національного существованія и ввергалъ ихъ въ міровую ширь, бросалъ за моря и океаны. Капитализмъ на вершинахъ своихъ создалъ міровую систему хозяйства и поставилъ экономическую жизнь каждой страны въ зависимость отъ мірового экономическаго положенія. Онъ въ высшей степени способствуетъ экономическому сближенію народовъ и ему свойственъ своеобразный интернаціонализмъ. Съ другой стороны, социализмъ принимаетъ интернаціональный характеръ и въ коммунистическомъ интернаціоналѣ по новому и извращенно возстаетъ старая идея принудительнаго универсализма. Распавшійся міръ новой исторіи, находящійся въ состояніи кровавой борьбы націй, классовъ и отдельныхъ людей, одержимый подозрительностью и злобой, разными путями стремится къ универсальному единству, къ преодоленію того исключительнаго національнаго обособленія, которое довело націи до паденія и разложенія. Европа не только нанесла себѣ страшные удары въ міровой войнѣ, но она продолжаетъ истреблять себя въ непрекращающейся распрѣ Франціи и Германіи, во взаимной подозрительности и недоброжелательствѣ всѣхъ націй. Никакого высшаго и общаго духовнаго трибунала націи не признаютъ. Но подъ этимъ, глубже этого идетъ процессъ мірового объединенія, болѣе широкаго чѣмъ европейское. Интернаціонализмъ есть отвратительная карриатура на вселенность. Но духъ вселенности долженъ пробудиться у христіанскихъ народовъ, воля къ свободному универсализму должна

обнаружиться. Русскій народъ изъ всѣхъ народовъ міра наиболѣе всечеловѣческой, вселенскій по своему духу, это принадлежитъ строенію его національнаго духа. И призваніемъ русскаго народа должно быть дѣло мірового объединенія, образованіе единаго христіанскаго духовнаго космоса. Но для этого, конечно, народъ русскій долженъ быть крѣпкой національной индивидуальностью. Народъ русскій на путяхъ своихъ подвергается самымъ большимъ соблазнамъ и соблазнамъ самага противоположнаго характера — исключительному интернаціонализму, истребляющему Россію, и не менѣе исключительному націонализму, отдѣляющему Россію отъ Европы. Процессы, направленные къ преодолѣнію національной замкнутости и къ образованію универсальнаго единства, я называю концомъ новой исторіи, ея индивидуалистическаго духа, и началомъ новаго средневѣковья. Въ этомъ смыслѣ коммунистическій интернаціонализмъ есть уже явленіе новаго средневѣковья, а не старой новой исторіи и къ новому средневѣковью нужно отнести всякую волю къ религіозному объединенію, соединенію разорванныхъ частей христіанскаго міра, волю къ универсальной духовной культурѣ, обнаруживающуюся въ высшемъ духовномъ словѣ современнаго человѣчества. Это не значитъ, что новое средневѣковье будетъ исключительно пасифично, не будетъ знать войнъ. Предстоитъ, быть можетъ, великая борьба и къ ней нужно быть готовымъ. Но войны будутъ не

столько національно-политическими, сколько духовно-религиозными.

* *
*

„Прогрессисты“ очень боятся возврата къ старымъ среднимъ вѣкамъ и борются съ идеями и вѣрованіями, которыя они считаютъ средневѣковыми. Меня это всегда удивляло. Вѣдь прежде всего они совсѣмъ не вѣрятъ въ жизненность и побѣдность идей и вѣрованій, которыя могутъ быть отнесены къ духу средневѣковья, они убѣждены въ прочности и долговѣтїи началъ новой исторїи. Зачѣмъ же такъ волноваться? А во вторыхъ нужно окончательно установить, что никакихъ возвратовъ и реставрацій старыхъ эпохъ никогда не было и быть не можетъ. Когда мы говоримъ о переходѣ отъ новой исторїи къ средневѣковой, то это есть образный способъ выраженія. Переходъ возможенъ лишь къ новому, а не старому средневѣковой. И этотъ переходъ долженъ быть признанъ революціей духа и творческимъ движеніемъ впередъ, а не „реакціей“, какъ мерещится напуганнымъ и вырождающимся „прогрессистамъ“. Наконецъ, пора перестать говорить о „тмѣ средневѣковья“ и противопоставлять ей свѣтъ новой исторїи. Эти пошлыя сужденія не стоятъ на уровнѣ современныхъ историческихъ знаній. Нѣтъ надобности идеализировать средніе вѣка, какъ это дѣлали романтики. Мы отлично знаемъ всѣ отрицательныя и темныя стороны средневѣковья, —

варварство, грубость, жестокость насильничества, рабство, невежество въ области положительныхъ знаній о природѣ и исторіи, религіозный терроръ, связанный съ ужасомъ адскихъ мукъ. Но знаемъ также, что средніе вѣка были эпохой религіозной по преимуществу, были охвачены тоской по небу, которая дѣлала народы одержимыми священнымъ безуміемъ, что вся культура средневѣковья направлена на трансцендентное и потустороннее, что въ эти вѣка было великое напряженіе мысли въ схоластикѣ и мистикѣ для рѣшенія послѣднихъ вопросовъ бытія, равнаго которому не знаетъ исторія новаго времени, что средніе вѣка не растрчивали своей энергіи во внѣ, а концентрировали ее внутри и выковывали личность въ образѣ монаха и рыцаря, что въ это варварское время созрѣлъ культъ прекрасной дамы и трубадуры пѣли свои пѣсни. Дай Богъ, чтобы эти черты перешли новому средневѣковью. Въ сущности средневѣковая культура была уже возрожденіемъ, борьбой съ тѣмъ варварствомъ и тьмой, которыя наступили послѣ паденія античной культуры. Христіанство и было великой силой просвѣтленія тьмы, претвореніе хаоса въ космосъ. Средневѣковье очень сложно и богато. Долгое время принято было думать, что средніе вѣка — пустое мѣсто въ умственной исторіи человѣчества, въ исторіи философской мысли. Но въ средніе вѣка было такъ много замѣчательныхъ мыслителей и такое разнообразіе въ мірѣ мысли, какъ ни въ одну эпоху. Для среднихъ вѣковъ насущнымъ, жизненнымъ было то, что пред-

ставляется неужной роскошью новому времени. И возвратъ къ средневѣковью есть возвратъ къ болѣе высокому религіозному типу. Намъ далеко еще до вершинъ средневѣковой духовной культуры. Мы живемъ въ эпоху упадка. Мы скорѣе приближаемся къ началамъ средневѣковья, когда отрицательные процессы распада преобладали надъ положительными процессами сложенія и творчества. Средневѣковье не есть эпоха тьмы, но оно есть ночная эпоха. Душа средневѣковья — ночная душа, когда раскрывались стихіи и энергіи, которыя зекрылись потомъ для сознанія трудового дня новой исторіи.

Въ какихъ чертахъ рисуется новое средневѣковье? Негативныя черты схватить легче, чѣмъ позитивныя. Это есть прежде всего, какъ я уже говорилъ, конецъ гуманизма, индивидуализма, формального либерализма культуры новаго времени и начало новой коллективной религіозной эпохи, въ которую должны выявиться противоположныя силы и начала, должно обнаружиться все, что оставалось въ подпочвѣ и подсознательномъ новой исторіи. Гуманистическое царство разлагается и распадается на предѣльный, антигуманистическій и атеистическій коммунизмъ и на долженствующую собрать въ себѣ всякое подлинное бытіе Церковь Христову. Это есть обращеніе отъ формализма новаго времени, не совершившаго никакого окончательнаго избранія, къ избранію Бога или діавола, къ обретѣнію предмѣтнаго содержанія жизни. Всѣ автономныя сферы культуры и общественной

жизни пришли къ пустотѣ и небытію. Паеось автономно - секулярнаго творчества изсякаетъ. Внутри всѣхъ сферъ творчества пробуждается воля къ религіозному избранію, къ подлинному бытію, къ преображенію жизни. Ни одна изъ сферъ творчества, ни одна изъ сторонъ культуры и общественной жизни не можетъ уже остаться религіозно нейтральной, вполне секулярной. Философія не собирается стать служанкой теологіи и общественность не собирается подчинить себя церковной іерархіи. Но внутри познанія, внутри общественной жизни пробуждается религіозная воля. Возможны только изнутри и свободно религіозно обоснованныя формы познанія и формы общества. Такъ на вершинахъ искусства обнаруживается стремленіе къ теургіи. Къ старой теократіи, къ старому гетерономному отношенію между церковью и всѣми сторонами жизни и творчества не можетъ быть возврата. Въ старыхъ теократіяхъ не достигалось царство Божье реально. Оно лишь символизировалось и ознаменовалось во внѣшнихъ формахъ и знакахъ. Нынѣ обнаруживается воля къ реальному достиженію Царства Божьяго, равно какъ и царства діавола, во всѣхъ сферахъ жизни, къ свободной теонومی въ отличіе отъ автономіи и гетерономіи. Познаніе, мораль, искусства, государство, хозяйство должны стать религіозными, но свободно и изнутри, а не принудительно и извнѣ. Никакая теологія не регулируетъ внѣшне моего процесса познанія и не ставитъ передо мной нормъ. Знаніе — свободно.

Но я не могу уже осуществлять цѣлей познанія безъ обращенія къ религіозному опыту, безъ религіознаго посвященія въ тайны бытія. Въ этомъ я уже средневѣковый человѣкъ, а не человѣкъ новой исторіи. Я ищу не автономіи отъ религіи, я ищу свободы въ религіи. Никакая церковная іерархія не регулируетъ и не нормируетъ государственной и общественной жизни. И никакой клерикализмъ не можетъ вернуть себѣ внѣшней силы. Но я могу слагать государство и общество, подвергнувшееся разложенію, лишь на религіозныхъ основахъ. Я ищу не автономіи государства и общества отъ религіи, а обоснованія и укрѣпленія государства и общества въ религіи. Я ни въ чемъ уже не хочу свободы отъ Бога, я хочу свободы въ Богѣ и для Бога. Когда кончается движеніе отъ Бога и начинается движеніе къ Богу, когда само движеніе отъ Бога пріобрѣтаетъ характеръ движенія къ діаволу, тогда начинается средневѣковье, кончается новое время. **Богъ** долженъ вновь стать центромъ всей нашей жизни, нашей мысли, нашего чувства, единственной мечтой нашей, единственной нашей надеждой и упованіемъ. Моя жажда безпредѣльной свободы должна быть понята, какъ моя распря съ міромъ, а не съ Богомъ.

Кризисъ современной культуры начался уже давно. Онъ сознавался ея великими творцами. Войны, революціи, внѣшнія катастрофы только обнаруживали во внѣ внутренній кризисъ культуры. Революція внутри начинается раньше, чѣмъ

выявленіе во внѣ. Культура по природѣ своей символичва, въ ней даны лишь символы, знаки иного духовнаго міра, но самъ этотъ міръ непосредственно реально не достигается. Эта символическая природа культуры часто не сознается тѣми, которые закованы въ традиціонныя формы культуры. Лишь символическое сознаніе понимаетъ эту природу культуры и оно же и стремится къ предолѣнію символизма культуры и достиженію реальности духовнаго міра. Такъ историческая теократія была лишь символична, она давала лишь символы, а не реальности царства Божьяго, Этого могли не сознать люди создававшіе теократіи и съ благоговѣніемъ склонившіеся передъ ними. Люди символическаго религіознаго сознанія должны стремиться къ реальному Царству Божьему, т. е. подлинному преображенію жизни. Познаніе, искусство, мораль, государство, даже внѣшняя жизнь церкви не преображали реально жизни, не достигали сами по себѣ новаго бытія, а давали лишь символы преображенія, лишь знаки наиреальнѣйшаго бытія. Вотъ этотъ символизмъ культуры, въ которомъ и было ея величіе и красота, и переживаетъ кризисъ. Цивилизація XIX и XX вѣка отрицаетъ священную символику культуры и хочетъ наиреальнѣйшей жизни, хочетъ овладѣнія жизнью и преображеніе жизни. Для этого она создаетъ свою могущественную технику. Кризисъ культуры готовится съ одной стороны реалистической цивилизаціей, ея жадной жизни и могущества. Съ другой же стороны, изъ

глубины кризисъ культуры начинается въ обнаруженіи религіозной воли къ реальному преобразенію жизни, къ достиженію новаго бытія, новой земли и новаго неба. Воля къ преобразенію культуры въ бытіе создаетъ кризисъ культуры. Она вѣдома величайшимъ людямъ культуры и черезъ нихъ совершается кризисъ. Воля къ послѣднему, истинно онтологическая воля, не можетъ довольствоваться раздѣльными, автономными сферами культуры, она направлена къ единству и цѣлостности. Но кризисъ культуры есть вмѣстѣ съ тѣмъ упадокъ культуры въ ея старыхъ секулярныхъ формахъ, упадокъ искусства, философіи и проч. Въ нашу эпоху нѣтъ видимаго и признаннаго духовнаго центра, центра умственной жизни эпохи. Университетъ пересталъ быть такимъ центромъ, онъ не имѣетъ духовнаго авторитета. Властители думъ нашей эпохи не академики. Ни академическая философія, ни академическое искусство не имѣетъ никакого жизненнаго вліянія. Совершенно также, какъ официальная парламентская политика идетъ мимо жизни. Жизненные процессы въ наше время осуществляются спонтанно, не официальными путями. Такъ и должно быть въ эпоху кризисовъ и переломовъ. Духовнымъ центромъ въ грядущую эпоху можетъ быть только церковь, какъ въ средніе вѣка. Но сама жизнь церкви нынѣ протекаетъ и развивается какими-то неофициальными путями, внѣшне неприемлемыми. Границы Церкви не сознаются отчетливо, на нихъ нельзя указать пальцемъ, какъ на

матеріальний предметъ. Жизнь Церкви таинственна и пути ея жизни непостижимы для разсудка. Духъ дышетъ, гдѣ хочеть. И въ жизни Церкви происходятъ творческіе процессы, которые внѣшнимъ, официальнымъ, чисто раціоналистическимъ сознаниемъ совсѣмъ не воспринимаются, какъ церковныя. Кризисъ культуры въ томъ и заключается, что она не можетъ остаться религіозно нейтральной и гуманистической, что она неизбѣжно должна стать или безбожной, антихристіанской цивилизаціей или священной, церковной культурой, христіанскимъ преображеніемъ жизни. А это предполагаетъ творческій процессъ въ жизни Церкви, раскрытіе христіанской истины о человѣкѣ и его призваніи въ мірѣ, а также окончательное раскрытіе тайны творенія, тайны жизни космической. Истины антропологии и космологии не были еще достаточно раскрыты христіанствомъ вселенскихъ соборовъ и учителей церкви. Церковь космична по своей природѣ и въ нее входитъ вся полнота бытія. Церковь есть охристовленный космосъ. Это должно перестать быть отвлеченной, теоретической истиной, должно стать истиной жизненной, практической. Церковь должна перейти отъ по преимуществу храмового своего періода къ космическому періоду, къ преображенію полноты жизни. Религія въ новое время тоже стала дифференціальной частью культуры, ей было отведено отдѣльное и очень небольшое мѣсто. Она по новому должна стать всѣмъ, силой преобразующей и просвѣтляющей всю жизнь изнутри.

Она должна, какъ свободная духовная сила, преобразовать жизнь. Въ христіанствѣ наступаетъ эпоха, когда большую роль будетъ играть религіозная интеллигенція, подобно тому, какъ это было во времена великихъ учителей церкви, начиная со св. Климента Александрійскаго. „Народъ“ отпадаетъ отъ вѣры, соблазненный атеистическимъ просвѣщеніемъ и социализмомъ. „Интеллигенція“ же возвращается къ вѣрѣ. Это измѣняетъ стиль христіанства.

* *
*

Новое средневѣковье преодолѣетъ атомизмъ новой исторіи. Этотъ атомизмъ преодолевается или ложно — коммунизмомъ или истинно — церковью, соборностью. Новое средневѣковье, какъ и старое іерархично по своему строенію. Новая же исторія отрицала іерархизмъ во всѣхъ сферахъ. Человѣкъ не атомъ безкачественнаго механизма вселенной, а живой членъ органической іерархіи, онъ органически принадлежитъ реальнымъ общностямъ. Сама идея личности связана съ іерархіей и атомизмъ уничтожаетъ личность въ ея качественномъ своеобразіи. Мы живемъ въ эпоху, когда неизбѣженъ повсюду свободный возвратъ къ іерархическимъ началамъ. Лишь іерархическія начала свидѣтельствуютъ о космическомъ ладѣ вселенной. Вѣдь и коммунизмъ, антииндивидуалистическій, антилиберальный, антидемократическій и антигуманистическій, по своему іерархиченъ. Онъ отрицаетъ формальныя свободы и равенства

новой исторіи и вырабатываетъ свою сатанократическую іерархію. Онъ стремится быть лже-церковью и лже-соборностью. И коммунизму нельзя уже противопоставлять антиіерархическія, гуманистическія и либерально-демократическія идеи новой исторіи, ему можно противопоставлять лишь подлинную, онтологически обоснованную іерархію, подлинную органическую соборность. Въдь и старыя правыя, консервативныя монархическія идеи, которыя господствовали въ жизни нѣкоторыхъ странъ до войны и революціи, были индивидуалистическими идеями. Въ основѣ ихъ лежалъ аристократическій гуманизмъ, какъ демократическій гуманизмъ лежалъ въ основѣ идей лѣвыхъ и прогрессивныхъ. Гуманистическое самоутвержденіе лежало въ основѣ монархіи Людовика XIV и XV, как и монархіи Вильгельма и русской имперіи. Противъ аристократическаго гуманистическаго самоутвержденія всегда возстаетъ демократическое гуманистическое самоутвержденіе, противъ абсолютной человѣческой монархіи — абсолютная человѣческая демократія. Царь или дворянство имѣютъ не больше правъ на власть, чѣмъ народъ, чѣмъ крестьяне или рабочіе. Потому что вообще не существуетъ человѣческаго права на власть, всякая похоть власти есть грѣхъ. Похоть власти Людовика XIV или Николая I есть такой же грѣхъ, как похоть власти Робеспьера или Ленина. Власть есть обязанность, а не право, и власть тогда лишь правая, когда она осуществляется не во имя свое и не во имя своихъ, а во имя Божье,

во имя правды. Новое время конструировало власть, какъ право, и интересовалось разграниченіемъ правъ на власть. Новое средневѣковье должно конструировать власть, какъ обязанность. И вся политическая жизнь, основанная на борьбѣ за право власти, должна быть признана нереальной, фиктивной, вампирической жизнью. Въ ней нѣтъ ничего онтологическаго. Политика на девять десятыхъ всегда есть ложь, обманъ, фикція. И только одна десятая политики заключаетъ въ себѣ элементъ реальный — осуществленіе власти, необходимой для существованія міра, власти отъ Бога. Мы вступаемъ въ эпоху, когда извѣрились уже во всѣ политики и когда политическая сторона жизни не будетъ уже играть той роли, какую играло въ новой исторіи, когда ей придется уступить мѣсто болѣе реальнымъ духовнымъ и хозяйственнымъ процессамъ. Естественный іерархизмъ жизни долженъ вступить въ свои права и личности съ большимъ онтологическимъ вѣсомъ, съ большей одаренностью и годностью должны занять подобающее мѣсто въ жизни. Безъ духовной аристократіи жизнь не можетъ процвѣтать. И должно быть движеніе, противодѣйствующее той социальной энтропії, которая охватила современныя демократическія общества. Принципъ *action directe*, спонтанность личностей и группъ будетъ опрокидывать старую политику. Непосредственная, первичная жизнь получить преобладаніе надъ вторичной и отраженной жизнью политики. Политическія партіи и ихъ вожаки, вѣроятно, потеряютъ всякое

значеніе и не черезъ партіи будуть выдвигаться сильныя люди. Окончательно отомрутъ парламенты съ ихъ фиктивной, вампирической жизнью народовъ на народномъ тѣлѣ, не способныхъ уже выполнять никакой органической функціи. Биржи и газеты не будутъ уже управлять жизнью. Въ соціальной жизни произойдетъ упрощеніе, возвращеніе къ болѣе элементарнымъ процессамъ борьбы за существованіе. Соціальная жизнь должна будетъ приобщиться къ первоисточникамъ жизни, сдѣлаться болѣе природной, менѣе искусственной. Люди, вѣроятно, будутъ группироваться и соединяться не по политическимъ признакамъ, всегда вторичнымъ и въ большинствѣ случаевъ фиктивнымъ, а по хозяйственнымъ, непосредственно жизненнымъ, профессиональнымъ, по сферамъ творчества и труда. Старыя сословія и классы отмираютъ и на ихъ мѣсто идутъ профессиональныя группы духовнаго и матеріальнаго труда. Профессиональнымъ союзамъ, коопераціямъ, цехамъ принадлежитъ, конечно, огромное будущее¹⁾. И это есть признакъ возвращенія къ средневѣковью на новыхъ началахъ. Политическіе парламенты, выродившіеся говорильни, будутъ замѣнены дѣловыми профессиональными парламентами, собранными на основаніяхъ представительства реальныхъ корпорацій, которыя будутъ не бороться за политическую власть, а рѣшать жизненные вопросы, рѣшать напр., во-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи много вѣрнаго можно найти въ книгѣ Р. Ю. Виппера „Круговоротъ исторіи“, хотя основныя его міросозерцанія представляются мнѣ совершенно ложными.

просы сельскаго хозяйства, народнаго образованія и т. п. по существу, а не для политики. Будущее принадлежит синдикалистскому типу общества, конечно, не въ смыслѣ революціоннаго синдикализма. Успѣхъ можетъ имѣть только политика, въ которой рѣшительный социальный радикализмъ будетъ сочетаться съ іерархическими началами власти. И въ анархизмѣ есть своя доля истины, посылно онъ противится власти политики и преувеличенному значенію государства.

Новое средневѣковье неизбежно будетъ въ высшей степени народно, но совсѣмъ не демократично. Отнынѣ въ судьбахъ государствъ будутъ играть большую роль трудящіеся массы, народные слои. Всякая будущая политика должна будетъ съ этимъ считаться и искать путей для ограниченія власти массъ надъ культурой качествъ. Въ Россіи будетъ играть господствующую роль крестьянство. Но это совсѣмъ не значитъ, что народныя массы, которыя нельзя уже вернуть къ состоянію до мировой катастрофы, непремѣнно будутъ осуществлять волю къ политической власти въ политическихъ демократіяхъ, черезъ всеобщее избирательное право и проч. Опытъ русской революціи наглядно показалъ, что народныя массы не всегда стремятся выразить свое возрастающее социальное значеніе въ демократіи, въ народоправствѣ. Демократіи связаны съ господствомъ буржуазнаго слоя, съ индустриально - капиталистической системой, отстаивающей свои интересы, съ образованіемъ слоя профессиональныхъ политиковъ. Народныя массы

обычно равнодушны къ политикѣ и не въ силахъ никогда осуществить воли къ власти. Есть гораздо больше оснований думать, что крестьяне и рабочіе, социальный вѣсъ которыхъ неизбѣжно возрастетъ, будутъ стремиться къ профессиональному, корпоративному представительству и самоуправленію, къ „совѣтскому“ принципу, но въ истинномъ и реальномъ смыслѣ слова, а не въ томъ фиктивномъ, которымъ прикрывается диктатура коммунистической партіи въ „совѣтской“ Россіи. Спасать государство и общество отъ окончательнаго разложенія и развала будутъ общественные союзы, въ высшей степени жизненные, корпоративно - профессиональные, съ одной стороны хозяйственные, съ другой стороны духовные. Изъ этихъ союзовъ будетъ слагаться общество и государство новаго средневѣковья. Должны быть удовлетворены матеріальные и духовные запросы массъ, а не ихъ стремленіе къ власти. Власть никогда не принадлежала и не можетъ принадлежать большинству. Это противорѣчитъ природѣ власти. Власть имѣетъ іерархическую природу и іерархическое строеніе. Такъ будетъ и въ будущемъ. Народъ не можетъ самъ собой править, онъ нуждается въ правителяхъ. Въ демократическихъ республикахъ править совѣмъ не народъ, а незначительное меньшинство вожаковъ политическихъ партій, банкировъ, газетчиковъ и т. п. Такъ называемый народный суверенитетъ есть только мгновеніе въ жизни народа, лишь разливъ народной стихіи. Сложеніе общества и государства, образованіе социальнаго космоса есть всегда

процессъ возникновенія неравенства и іерархіи, выдѣленіе правящаго слоя. И вполне возможно, что единство обществъ и государствъ въ новое средневѣковье выльется въ формы монархическія. Народныя массы сами могутъ пожелать монарха, узнаютъ своего вождя и героя. Но если возможны еще монархіи, то онѣ будутъ, конечно, новаго типа, не типа старой новой исторіи, ближе къ средневѣковому типу, въ нихъ будутъ преобладать черты цезаризма. Я давно уже думаю, и высказывалъ эту мысль еще въ 18—19 г., что мы, особенно, Россія, идемъ къ своеобразному типу, который можно назвать „совѣтской монархіей“, синдикалистской монархіей, монархіей новой соціальной окраски. Старый легитимизмъ умеръ, онъ принадлежалъ новой исторіи и погоня за его возстановленіемъ есть погоня за призракомъ. Монархіи новаго средневѣковья не будутъ формалистически-легитимистическими монархіями. Въ нихъ принципъ соціального реализма будетъ преобладать надъ принципомъ юридическаго формализма. Окружать монархію будутъ не сословія, а соціальныя и культурныя профессіи въ іерархическомъ строеніи. Но власть будетъ сильной, часто диктаторской. Народная стихія надѣлать избранныхъ личностей священными атрибутами власти. Принудить народъ къ монархіи нельзя будетъ, народъ реально-жизненными путями самъ будетъ рѣшать формы правленія въ зависимости отъ своихъ вѣрованій. Но такого рода „народный суверенитетъ“, который въ извѣстномъ смыслѣ всегда существовалъ, не означаетъ демократіи.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о формахъ власти нужно считать проблематическимъ и второстепеннымъ.

Будущія общества будутъ, конечно, трудовыми обществами. Въ основу ихъ будетъ положенъ принципъ труда, духовнаго и матеріальнаго, не безкачественнаго труда социалистовъ, а качественнаго труда. Такова, всегда была христіанская идея. Слишкомъ большой досугъ и праздность привилегированнаго слоя новой исторіи прекратится. Аристократія сохранится навѣки, но пріобрѣтетъ болѣе одухотворенный характеръ, будетъ скорѣе психологической, чѣмъ социологической категоріей. Жизнь станетъ болѣе суровой и бѣдной, блеска новой исторіи болѣе не будетъ. Наступаютъ времена, которыя потребуютъ огромнаго напряженія человѣческаго духа, огромнаго труда. Должно будетъ выработаться особаго рода монашество въ міру, особаго типа монашескіе ордена. Будетъ поставлена проблема о религіозномъ смыслѣ и религіозномъ освященіи труда, которой не хотѣла знать новая исторія, такъ какъ стремилась освободить человѣка и классы отъ бремени труда. Самый трудъ долженъ быть понятъ, какъ творчество. Капитализмъ и социализмъ механизируютъ трудъ и потому проблема труда для нихъ не существуетъ. Ограниченіе потребностей и большая напряженность труда всѣхъ классовъ общества характерна для новаго историческаго періода. Только такъ сможетъ существовать обѣднѣвшее человѣчество. Внутренно же центръ тяжести жизни долженъ быть перенесенъ со средствъ

жизни, которыми такъ долго были исключительно поглощены люди новой исторіи, на цѣли жизни. Это есть обращеніе къ самой жизни, къ ея внутреннему содержанію, а не къ проэцированію жизни во внѣ, во времени, въ будущее. Идея „прогресса“ будетъ отброшена, какъ закрывающая истинныя цѣли жизни. „Прогрессъ“ прекратится съ окончаніемъ новой исторіи. Будетъ сама жизнь, будетъ творчество, будетъ обращеніе къ Богу или къ діаволу, но не будетъ „прогресса“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ одержимъ былъ этой идеей XIX вѣкъ. Необходимо остановить ускоряющееся движеніе времени, влекущее насъ къ небытію, получить вкусъ къ вѣчности. Но наряду съ этимъ будетъ дѣйствовать и воля къ расширенію власти фиктивной цивилизаціи, будетъ дѣйствовать и антихристовъ духъ.

Характернымъ для новаго средневѣковья мнѣ представляется еще то, что въ немъ большую роль будетъ играть женщина. Исключительно мужская культура истощила и подорвала себя въ міровой войнѣ. И въ послѣдніе годы великихъ испытаній женщина начала играть огромную роль, она оказалась на большей высотѣ. Женщина болѣе связана съ душой міра, съ первичными стихіями и черезъ женщину мужчина приобщается къ нимъ. Мужская культура слишкомъ раціоналистична, слишкомъ далеко ушла отъ непосредственныхъ тайнъ космической жизни и возвращается къ нимъ она черезъ женщину. Женщины играютъ большую роль въ религіозномъ пробую-

жденіи нашего времени. Женщины предназначены быть женами-мироносицами. День былъ временемъ исключительнаго преобладанія мужской культуры. Ночь есть время, когда вступаетъ въ свои права и женская стихія. Увеличеніе роли женщины въ грядущій историческій періодъ совсѣмъ не означаетъ продолженія женскаго эмансипаціоннаго движенія новаго времени, которое стремилось уподобить женщину мужчинѣ и повести женщину мужскимъ путемъ. Это было антихіерархическое, уравнительное движеніе, отрицавшее своеобразную качественность женской природы, вѣчную женственность. Мужское начало должно владѣть женскимъ, а не быть въ рабствѣ у него, какъ часто бывало въ новой исторіи, напр. во Франціи. Не эмансипированная и уподобленная мужчинѣ женщина, а вѣчная женственность должна играть бѣольшую роль въ грядущій періодъ исторіи. Это связано будетъ съ кризисомъ стихіи рода и родовой семьи, который составляетъ глубокую подпочву переживаемаго мірового кризиса. Христіанство не можетъ осуществить своихъ упованій въ стихіи рода, въ той рождающей стихіи, которая обращена къ дурной безконечности смѣняющихся поколѣній. Основная проблема жизни и есть проблема преображенія пола, просвѣтленіе женственной стихіи, претвореніе энергіи рождающей въ энергію творящую. Естественный родъ стараго Адама долженъ быть претворенъ и преображенъ въ духовный родъ новаго Адама. Это связано съ раскрытіемъ мистическаго смысла

любви, любви преобразующей, обращающей не ко времени, а къ вѣчности. Тутъ мы выходимъ изъ береговъ новой исторіи, изъ ея раціональнаго дня и вступаемъ въ мистическую ночь средневѣковья. Къ этой темѣ нельзя прикасаться словами новой исторіи.

Для наступленія новаго средневѣковья характерно также распространеніе теософическихъ учений, вкусъ къ оккультнымъ наукамъ, возрожденіе магіи. Сама наука возвращается къ своимъ магическимъ истокамъ и скоро окончательно выявится магическій характеръ техники. Религія и знаніе вновь приходятъ въ соприкосновеніе и рождается потребность въ религіозномъ гнозисѣ. Мы опять вступаемъ въ атмосферу чудеснаго, столь чуждую новой исторіи, опять возможна станутъ бѣлая и черная магіи. Опять возможны станутъ страстные споры о тайнахъ божественной жизни. Мы переходимъ отъ душевнаго періода къ духовному періоду. Будущее — двойственно и мы не вѣримъ въ необходимость и принудительность отраднаго, свѣтлаго, желаннаго будущаго. Иллюзіи земнаго счастья не имеютъ уже никакой силы надъ нами. Ощущеніе зла должно стать сильнѣе и острѣе въ новомъ средневѣковьи. Сила зла будетъ возростать, принимать новыя формы и причинять новыя страданія. Но чловѣку дана свобода духа, свобода избранія пути. Христіане должны волю свою направить къ созданію христіанской общественности и христіанской культуры, превыше всего искать царства Божьяго

и правды его. Многое зависитъ отъ нашей свободы, отъ творческихъ человѣческихъ усилій. Потому то возможны два пути. Я предчувствую нарастаніе силъ зла въ будущемъ, но хотѣлъ определить возможные положительныя черты будущаго общества. Мы уже средневѣковые люди не только потому, что такова судьба и фатумъ исторіи, но и потому, что хотимъ этого. Вы еще люди новой исторіи, потому что не хотите сдѣлать избранія. Въ предчувствіи ночи нужно духовно вооружиться для борьбы со зломъ, обострить способность его различенія, выработать новое рыцарство.

Приливъ растетъ и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнь...
И мы плывемъ пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены...

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революція въ Россіи случилась. Это — фактъ, который долженъ быть признанъ. Признаніе факта не связано съ его оцѣнкой. Революція есть явленіе природы. Нельзя спорить о томъ, слѣдуетъ ли признавать или не признавать японское землетрясеніе. Русская революція есть великое несчастье. Всякая революція — несчастье. Счастливыхъ революцій никогда не бывало. Но революціи посылаются Божьимъ промысломъ и потому народы многому въ нихъ научаются. Русская революція — отвратительна. Но вѣдь всякая революція отвратительна. Хорошихъ, благообразныхъ, прекрасныхъ революцій никогда не бывало и быть не можетъ. Всякая революція бываетъ неудачной. Удачныхъ революцій никогда не бывало. Французская революція, признанная „великой“, тоже была отвратительна и неудачна. Она не лучше русской революціи, она была не менѣе кровавой и жестокой, столь же безбожной, столь

же разрушительной въ отношеніи ко всѣмъ историческимъ святынямъ. Русская революція не признана великой, она пока только большая революція, она лишена нравственного ореола. Но найдутся историки, которые ее идеализируютъ и канонизируютъ въ чинъ великой, создадутъ легенду, окружаютъ ореоломъ, хотя потомъ явятся другіе историки, которые разоблачатъ эту идеализацію и низвергнутъ легенду. Несчастные русскіе люди, жестоко пострадавшіе духовно и матеріально отъ революціи, забыли какъ будто бы, что такое революція, что такое всякая революція. Читать книги по исторіи революціи пріятнѣе, чѣмъ переживать революціи. Слишкомъ большое негодованіе противъ большевистской революціи, слишкомъ исключительное приписываніе всякаго злодѣйства большевикамъ есть нерѣдко результатъ идеализаціи революціи, непреодоленной иллюзіи, что революція можетъ быть хорошей и благородной. Историческая память очень коротка у людей революціонной эпохи. Слишкомъ многіе люди эпохи революціи хотятъ по своему направить ее и очень озлоблены, что это не удастся. Но забыли, что революціи вообще направить нельзя, какъ нельзя ее и остановить. Революція есть рокъ и стихія. И большевики не направляли революціи, а были лишь ея послушнымъ орудіемъ. Всѣ почти господствующія оцѣнки революціи основаны на томъ предположеніи, что ее могло бы и не быть и ее можно было бы не допустить, или, что она могла бы быть разумной и доброй, если бы

злѣди-большевики не помѣшали. Такъ дѣлается невозможнымъ постиженіе смысла революціи и духовное переживаніе ея трагическаго опыта. Нѣтъ ничего болѣе жалкаго, чѣмъ столь распространенные въ русской заграничной средѣ споры о томъ, произошла ли въ Россіи революція или смута, и кто будетъ отвѣчать за революцію. Это — самоутѣшеніе отъ совершеннаго безсилія и немощи¹⁾). Всякая революція есть смута. Всякая революція есть процессъ разложенія стараго общества и культуры. Идеально-нормативныя представленія о революціи совершенно должны быть оставлены. Революція никогда не бываетъ такой, какой должна быть, ибо нѣтъ должной революціи и не можетъ быть революція долженствованіемъ. Революція есть рокъ народовъ и великое несчастье. И несчастье это нужно пережить съ достоинствомъ, какъ съ достоинствомъ нужно пережить тяжелое заболѣваніе или смерть близкаго существа.

Совершенной потерей исторической перспективы нужно признать ту психологію, въ силу которой хотять остановить революцію съ точки зрѣнія дореволюціонныхъ началъ. Это есть нежеланіе

¹⁾ Въ новѣйшей книгѣ по исторіи французской революціи, въ книгѣ Луи Мадлена „Французская революція“, говорится объ эмигрантахъ: „Франція по ихъ мнѣнію просто была запугана нѣсколькими разбойниками. Запугиванію надо было противопоставить запугиваніе. Манифестъ, который могъ бы испугать страну, бросить ее всю цѣликомъ къ ногамъ короля. И тогда будетъ достаточно легіона Кондэ; онъ войдетъ съ развѣвающимся бѣлымъ флагомъ и тотчасъ положить конецъ всему“. (Т. I, стр. 306). Въ исторіи многое повторяется.

понять, что такое всякая революція, закрываніе глазъ на ея природу, забвеніе того, что люди раньше знали о революціи. Революція подобна тяжелой инфекціонной болѣзни. Разъ зараза проникла въ организмъ, нельзя уже остановить неотвратимаго теченія болѣзни. Въ извѣстный моментъ будетъ 41 температуры, будетъ бредъ. А потомъ температура падеть до 36 градусовъ. Природа революціи такова, что она должна дойти до конца, должна изжить свою яростную стихію, чтобы въ концѣ концовъ претерпѣть неудачу и перейти въ свою противоположность, чтобы изъ собственныхъ нѣдръ породить противоядіе. Въ революціи неизбѣжно должны торжествовать крайнія теченія и болѣе умѣренныя теченія должны быть извергнуты и уничтожены. Въ революціи всегда погибаютъ тѣ, которые ее начали и которые о ней мечтали. Таковъ законъ революціи и такова, по геніальной мысли Ж. де Местра, воля Провидѣнія, всегда незримо действующая въ революціяхъ. Революціями Богъ караетъ людей и народы. Рационалистическимъ безуміемъ нужно признать всякую надежду, что въ стихіи революціи могутъ господствовать и могутъ ее направлять какія-либо болѣе умѣренныя, разумныя партіи, жирондисты или кадеты. Это и есть самая неосуществимая изъ утопій. Въ русской революціи утопистами были кадеты, большевики же были реалистами. Не утопичны ли, не бессмысленны ли были мечты, что Россію вдругъ можно превратить въ правовое демократическое государство, что

русскій народъ можно гуманными рѣчами заставить признать права и свободы человѣка и гражданина, что можно либеральными мѣрами искоренить инстинкты насилія и управителей и управляемыхъ? Это была бы неправдоподобная революція, отрицаніе всѣхъ историческихъ инстинктовъ и традицій русскаго народа, болѣе радикальное, чѣмъ отрицаніе большевиковъ, которые усвоили себѣ традиціонные методы управленія и использовали нѣкоторые исконные инстинкты народа. Большевики совсѣмъ не были максималистами, они были минималистами, они дѣйствовали въ направленіи наименьшаго сопротивленія, въ полномъ согласіи съ инстинктивными вождѣвленіями солдатъ, истомленныхъ непосильной войной и жаждавшихъ мира, крестьянъ, вождѣлевшихъ земель помѣщиковъ, рабочихъ, настроенныхъ злобно и мстительно. Максималистами были тѣ, которые хотѣли продолженія войны во чтобы-то ни стало, а не тѣ, которые рѣшили ее прикончить послѣ того, какъ война внутренне разложилась. Тѣ, которые потворствуютъ ирраціональной стихіи революціи, дѣйствуютъ въ своемъ родѣ болѣе разсудительно и реалистично, чѣмъ тѣ, которые въ этой ирраціональной стихіи хотятъ осуществить кабинетный раціональный планъ политики. Всѣхъ кабинетныхъ раціональныхъ политиковъ революція низвергаетъ и уничтожаетъ и она по своему права. Въ раціональной кабинетной политикѣ не чувствуется никакой органической почвы, никакой стихіи, никакихъ глубокихъ корней. Въ

революціи же есть извращенная и больная народная стихія. Большевизмъ есть раціоналистическое безуміе, манія окончательнаго регулированія жизни, опирающіяся на ирраціональную народную стихію. Раціонализмъ же либеральныхъ политиковъ, готовый признать и нѣкоторыя права за ирраціональнымъ, ни на какую стихію не опирается. Большевизмъ былъ извращеннымъ, вывернутымъ на изнанку осуществленіемъ русской идеи и потому онъ побѣдилъ. Помогло то, что у русскихъ очень слабо іерархическое чувство, но очень сильна склонность къ автократической власти. Ни о какомъ правовомъ, конституціонномъ государствѣ русскій народъ и слышать не хотѣлъ.

* *
*

Когда революція случилась въ судьбѣ народа, когда стряслось это несчастье, то есть только одинъ изъ нея выходъ. Нужно принять этотъ фактъ, какъ ниспосланный Провидѣніемъ, принять такъ, какъ должно принять всѣ страданія и несчастья жизни, всѣ великія испытанія: противиться всѣми силами духа соблазнамъ революціи, оставаться вѣрными своимъ святынямъ, унести свѣтильники въ катакомбы, пережить духовно и религіозно-просвѣтленно это несчастье, постигнувъ его, какъ искупленіе вины, помогать тѣмъ жизненнымъ процессамъ, въ которыхъ революція переходитъ въ свою противоположность, къ положительному творчеству. Духовно ложно считать,

что источникъ зла внѣ меня, а самъ я сосудъ добра. На этой почвѣ рождается злобный и ненавистническій фанатизмъ. Винить во всемъ евреевъ, масоновъ, интеллигенцію есть такое же извращеніе, какъ во всемъ винить буржуазію, дворянство, старую власть. Нѣтъ, источникъ зла и во мнѣ самомъ и я долженъ и на себя переложить вину и отвѣтственность. Это было бы вѣрно и въ отношеніи къ старому самодержавію, это остается вѣрнымъ и въ отношеніи къ большевизму. Лишь молекулярные процессы внутри народной жизни, духовные и матеріальные, ведутъ къ окончанію революціи, къ выходу изъ нея. Гражданскія войны во время революціи являются роковой неизбежностью и во время войнъ этихъ можетъ быть проявленъ большой героизмъ и самопожертвованіе. Но никакія гражданскія войны не могутъ положить конецъ революціи, не могутъ быть выходомъ изъ трагедіи революцій. Гражданскія войны цѣликомъ принадлежатъ самой ирраціональной стихіи революціи, онѣ пребываютъ въ революціонномъ распадѣ и увеличиваютъ этотъ распадъ. Гражданскія войны революціонныхъ и контрреволюціонныхъ армій есть обычно борьба силъ революціонныхъ съ силами дореволюціонными, революціей пораженными. Настоящую же контрреволюцію, полагающую конецъ революціи, могутъ сдѣлать лишь силы пореволюціонныя, а не дореволюціонныя, лишь силы разившіяся внутри самой революціи. Контрреволюцію, начинающую новую пореволюціонную эпоху, не мо-

гутъ сдѣлать классы и партіи, которымъ революція нанесла тяжелые удары и которые она вытѣснила изъ первыхъ мѣстъ жизни. Кончилъ революцію во Франціи „сынъ революціи“ Наполеонъ, а не дворяне, не эмигранты, не партіи, которые революція вытѣснила изъ жизни въ своемъ стихійномъ потокѣ. Революція, какъ нѣкій органической патологической процессъ, вырабатываетъ въ своихъ нѣдрахъ силы, которыя принесутъ избавленіе отъ ея демоновъ. Тотъ, кто находитъ выходъ изъ революціи, изъ ея безвыходной стихіи, обычно „ее носилъ въ самомъ себѣ“. Она непреодолима извнѣ. Бонапартизмъ — типичный исходъ революціи. Сила Кромвеля и Наполеона въ томъ, что они являются роковыми людьми, носителями рока революціи. И опытъ исторіи и нашъ собственный духовный опытъ научаетъ тому, что революціи могутъ быть преодолены лишь силами пореволюціонными, лишь началами отличными и отъ тѣхъ, что господствовали до революціи, и отъ тѣхъ, что господствуютъ въ самой революціи. Все дореволюціонное есть лишь внутренняя составная часть самой революціи, самаго революціоннаго распада. Дореволюціонное и революціонное есть одно и то же, но въ разные моменты. Революція есть догниваніе стараго режима. И нѣтъ спасенія ни въ томъ, что начало гнить, ни въ томъ, что довершило гніеніе. Спасеніе можетъ быть лишь въ зарожденіи новой жизни. Кончить революцію и избавить отъ ея кроваваго кошмара не можетъ ни русское земледѣльческое дворянство, желающее

вернуть себѣ земли, ни старая русская буржуазія, желающая вернуть себѣ фабрики и капиталы, ни русская интеллигенція стараго типа, желающая вернуть себѣ былой идейный престижъ и осуществить свои старыя политическія программы. Въ русской революціи въ мукахъ кончается Россія господская и Россія интеллигентская и нарождается новая невѣдомая Россія. Кончить русскую революцію можетъ лишь русское крестьянство, лишь народившаяся въ самой революціи новая буржуазія, лишь красная армія, опомнившаяся отъ своего кроваваго бреда, лишь новая интеллигенція, духовно углубившаяся въ трагическомъ опытѣ революція и стяжавшая себѣ новыя положительныя идеи. Хорошо ли это или плохо, но это такъ. Таковъ рокъ, такова судьба. Послѣ революціи нельзя ждать въ Россіи ничего особенно хорошаго. Опустошенія слишкомъ велики. Деморализація ужасна. Культурный уровень долженъ понизиться. Но нужно прямо смотрѣть въ глаза судьбѣ. Нѣтъ никакихъ основаній для розоваго историческаго оптимизма. Христіанство ему не научаетъ. Мірѣ идетъ къ трагическому раздвоенію и борьбѣ противоположныхъ духовныхъ началъ. Но въ путяхъ этихъ имѣетъ великій смыслъ устраненіе иллюзій, разоблаченіе подлинныхъ реальностей. И революціи, какъ и все въ исторіи, служатъ не тому, чему думаютъ служить, смыслъ ихъ невѣдомъ самимъ дѣятелямъ революціи. Воля же наша должна быть направлена къ осуществленію геніальнаго аэоризма Ж. де Местра: контръ-револю-

ція полжна быть не обратной революціей, а обратнымъ революціи.

Нельзя жить негативнымъ чувствомъ, чувствомъ ненависти, злобы, мести. Нельзя негативными чувствами спасти Россію. Революція отравила Россію злобой и напоила ее кровью. Что будетъ съ несчастной Россіей, если контръ-революція отравить ее новой злобой и напоить ее новой кровью. Это будетъ продолженіемъ кроваваго кошмара революціи, а не выходомъ изъ него. Партія ненависти и злобы есть одна партія; въ ней соединены коммунисты и крайніе монархисты. Никакая жизнь не можетъ быть создана отрицательнымъ, въ основу ея должно быть положено положительное. Наша любовь всегда должна быть сильнѣе нашей ненависти. Нужно любить Россію и русскій народъ больше, чѣмъ ненавидить революцію и большевиковъ. Въ основѣ нашей политики должна лежать стихійная любовь къ русской землѣ, къ русской народной душѣ. Только такую направленность можно признать нормальнымъ духовнымъ устроениемъ. Большевицкая революція была порождена отрицательными чувствами, она была дѣломъ злобы. Если противъ нея направить равныя по силѣ отрицательныя чувства, если низверженіе ея превратить прежде всего въ дѣло злобы, то продолжится дѣло разрушенія. Между тѣмъ какъ съ горестью нужно признать, что отрицательныя и злобныя чувства слишкомъ часто владѣютъ тѣми, которыхъ революція жестоко обидѣла и обездолила. Это значить, что они не пережили революцію ду-

ховно, что они претерпѣли ее внѣшне, тѣлесно. По истинѣ величайшая задача, которая стоитъ передъ Россіей, какъ и передъ всѣмъ міромъ, это — задача выхода изъ кроваваго круга революцій и реакцій, перехода въ другое измѣреніе. На негативномъ пути, опредѣляемомъ лишь отрицательными реакціями, открывается плохая безконечность революцій и реакцій. Кровь порождаетъ кровь. Кровь отравила уже народы. Революція сама по себѣ носитъ характеръ отрицательной реакціи, она имѣетъ реакціонную природу. И нужно выйти изъ подвластности отрицательнымъ реакціямъ. Это — нашъ духовный долгъ, долгъ христіанъ. Революція случилась, она и была мрачной и кровавой реакціей противъ дореволюціоннаго зла, зла старой жизни, злой реакціей на злую реакцію. И всѣ силы духа должны быть направлены къ положительному добру. Реставрація старой дореволюціонной жизни невозможна. Когда читаешь письма послѣдней русской царицы къ послѣдному русскому царю, то всѣмъ существомъ своимъ чувствуешь, что революція предрѣшена и неизбѣжна, что старый режимъ обреченъ и возвратъ невозможенъ. И это совсѣмъ не есть осужденіе личности тѣхъ, которые оказались мучениками и, какъ люди, были гораздо лучше нынѣшнихъ правителей. Реставрацій никогда не бываетъ. Бываютъ лишь судорожныя конвульсивныя движенія силъ, догнивающихъ въ революціи, силъ претерпѣвшихъ распадъ въ революціи, и затѣмъ новыя попытки силъ, выдвинутыхъ революціей, удержать свое жизнен-

ное положеніе. Безсмысленно реставрировать то, что привело къ революціи. Это есть пребываніе въ безвыходномъ магическомъ кругу. Выходъ изъ движенія налѣво и направо можетъ быть найденъ лишь въ движеніи вглубь и ввысь. Идеиная контръ-революція должна быть направлена къ созданію новой жизни, въ которой прошлое и будущее соединяются въ вѣчномъ, она должна быть направлена и противъ всякой реакціи. Революція уничтожила въ Россіи всякую свободу и потому контръ-революція въ Россіи должна быть освободительнымъ процессомъ, должна дать свободу, свободу дышать, мыслить, двигаться, сидѣть въ своей комнатѣ, жить духовной жизнью. Вотъ парадоксъ, который нужно сознать до конца.

* *
*

Нельзя внѣшне относиться къ революціи, видѣть въ ней лишь эмпирической фактъ, никакъ не связанный съ моей духовной жизнью, съ моей судьбой. При такомъ внѣшнемъ отношеніи только и можетъ человѣка душить безсильная злоба. Революція совершилась не только внѣ меня и надо мной, какъ фактъ несоизмѣримый со смысломъ моей жизни, т. е. абсолютно безсмысленный, она совершилась также со мной, какъ внутреннее событіе въ моей жизни. Большеизмъ въ Россіи явился и побѣдилъ, потому что я таковъ, каковъ есть, потому что во мнѣ не было настоящей духовной силы, не было силы вѣры, двигающей горами.

Большевизмъ есть мой грѣхъ, моя вина. Это есть ниспосланное мнѣ испытаніе. Страданія, которыя мнѣ причинилъ большевизмъ есть искупленіе моей вины, моего грѣха, нашей общей вины и нашего общаго грѣха. Всѣ отвѣтственны за всѣхъ. Только такое переживаніе революціи можетъ быть названо религіознымъ, духовно просвѣтленнымъ. Русская революція есть судьба русскаго народа и моя судьба, расплата и искупленіе народа и мои. Пусть „правые“ не дѣлаютъ такого невиннаго, самодовольнаго и возмущеннаго выраженія лицъ. Грѣхи ихъ велики и имъ надлежитъ пройти черезъ суровое покаяніе. Революцію нужно съ достоинствомъ, съ духовной силой до конца изжить, какъ несчастье посланное Богомъ. Претерпѣвшій до конца спасется. Поверхностно и ложно смотрятъ на большевизмъ тѣ, которые видятъ въ немъ исключительно внѣшнее насиліе надъ русскимъ народомъ шайки разбойниковъ. Такъ нельзя понимать историческія судьбы народовъ. Это взглядъ или обывателей, пострадавшихъ отъ революціи, или активныхъ борцовъ, ослѣпленныхъ въ яростной стихіи борьбы. Большевики не шайка разбойниковъ, напавшихъ на русскій народъ въ его историческомъ пути и связавшая его по рукамъ, и ногами, и не случайна ихъ побѣда. Большевизмъ есть явленіе гораздо болѣе глубокое и болѣе страшное, болѣе зловѣщее. Шайка разбойниковъ была бы болѣе невиннымъ явленіемъ. Большевизмъ есть не внѣшнее, а внутреннее для русскаго народа явленіе, его тяжелая духовная болѣзнь,

органической недугъ русскаго народа. Большевизмъ есть лишь отображеніе внутренняго зла, живущаго въ насъ. Большевизмъ не есть самостоятельная онтологическая реальность, онъ не имѣетъ бытія въ себѣ. Онъ есть лишь галлюцинація больного народнаго духа. Большевизмъ соотвѣтствуетъ духовному состоянію русскаго народа, выражаетъ внѣшне внутренніе духовные распады, отступничество отъ вѣры, религіозный кризисъ, глубокую деморализацію народа. Совѣтская власть — не демократическая власть и не поставлена какимъ-либо учредительнымъ собраніемъ. Но никакая власть не создавалась формально, ее всегда создаетъ сила. И совѣтская власть оказалась единственной возможной въ Россіи властью въ моментъ разложенія войны, которой русскій народъ не имѣлъ силы вынести, въ моментъ духовнаго упадка и экономическаго разгрома, въ моментъ ослабленія нравственныхъ устоевъ. Эта власть оказалась народной въ очень нелестномъ для нея смыслѣ. Но признать это важно для пониманія революціи. Другая власть не могла быть создана въ стихіи революціи при той духовной и исторической обстановкѣ, въ которой эта стихія разбушевалась. Народъ находился въ лживомъ состояніи и создалъ лживую власть. Только большевизмъ могъ какъ-нибудь организовать и сдержать раскованную имъ демоническую стихію. Истинный принципъ авторитета власти былъ утерянъ. Жалкая и безсильная роль временнаго правительства показала, что власть не можетъ быть организо-

вана на гуманистическихъ началахъ, не можетъ быть либеральной и демократической, не можетъ быть и социалистической въ умѣренномъ гуманномъ духѣ. Принципъ же монархическій проклинали и разлагали втеченіе столѣтія. Онъ палъ. Онъ существовалъ потому, что имѣлъ санкцію въ религиозныхъ вѣрованіяхъ народа. Авторитетъ власти всегда вѣдь держится религиозными вѣрованіями народа. Когда религиозныя вѣрованія разлагаются, авторитетъ власти колеблется и падаетъ. Это и случилось въ Россіи. Религиозныя вѣрованія народа измѣнились. Въ народѣ начало проникать полу-просвѣщеніе, которое въ Россіи всегда принимаетъ форму нигилизма. Только большевики сумѣли организовать власть въ соотвѣтствіи съ измѣнившимися вѣрованіями народа, въ соотвѣтствіи съ кровавой стихіей войны. Когда рушатся духовныя основы войны, она превращается въ кровавую анархію, въ войну всѣхъ противъ всѣхъ. И тогда оказывается возможной лишь грубая и кровавая диктатура. Рухнули всѣ начала, охранявшія культурный слой въ Россіи. Этотъ культурный слой, эта тонкая культура возможны были лишь благодаря монархіи, которая не допускала буйнаго разлитія народной тьмы. Россія была необъятнымъ и темнымъ мужицкимъ царствомъ, съ очень слабо развитыми классами, съ очень тонкимъ культурнымъ слоємъ, съ царемъ сдерживавшимъ это царство и не допускавшимъ растерзанія народомъ этого культурнаго слоя. Пусть царская власть часто

преслѣдовала и гнала культурный слой, но она въ прошломъ дѣлала возможнымъ самое его существованіе, она до извѣстнаго времени устанавливала качественную іерархію въ русской жизни, градаціи и ступени. Съ паденіемъ царской власти въ Россіи наступило „упростительное смѣшеніе“, низвержены были всѣ качественныя различія, разбита вся соціальная структура русскаго общества, темная солдатско - мужицкая стихія ее затопила. Культурный слой, не имѣвшій корней въ крѣпкихъ соціальныхъ классахъ, былъ низвергнутъ въ бездну. Въ такихъ условіяхъ монархическая власть могла быть замѣнена только совѣтской властью. Произошло страшное огрубеніе жизни, огрубеніе всего быта, воцарился солдатско-народный стиль. Большевики не столько создали эту грубую жизнь, грубый способъ властвованія, сколько отразили и выразили совершавшееся огрубеніе народной жизни. Власть, которая пожелала бы быть болѣе культурной, не могла бы существовать, не соответствовала бы состоянію народа. Культурный слой, болѣе утонченный, вѣрный традиціямъ, не могъ болѣе господствовать въ Россіи. Богъ какъ бы передалъ власть большевикамъ въ наказаніе за грѣхи народа. И потому во власти этой есть таинственная, имъ самимъ непонятная сила. Замѣчательно, что въ русской революціи нѣтъ борющихся сторонъ, нѣтъ активныхъ партій. Этимъ она глубоко отличается отъ революціи французской. Когда французскій жирондистъ или монтаньяръ шель на эшафотъ, онъ шель какъ

гражданинъ, временно побѣжденный въ борьбѣ. Въ русской революціи нѣтъ чувства гражданства. У насъ идти на разстрѣлъ съ инымъ чувствомъ, покоряясь роковой силѣ, безраздѣльно господствующей.

Русская культура была по преимуществу дворянской. Она кончилась. Дворянство низвергнуто. И оно само много сдѣлало для своего паденія, оно выродилось и потеряло сознание своего признанія. Дворянскій стиль культуры, который господствовалъ и въ недворянскихъ слояхъ, въ буржуазіи и интеллигенціи, замѣнился стилемъ солдатско-мужицко-пролетарскимъ. Въ этомъ стилѣ управлять страной можетъ только совѣтская власть, враждебная высшей культурѣ, объявившая войну всѣмъ качествамъ во имя количествъ, грубая и жестокая въ своихъ приемахъ. Въ первые ряды жизни выдвигается новый энергичный слой, прошедшій школу на войнѣ, жадный къ жизни, завистливый и злобный, перенесшій всѣ приемы войны въ управленіе страной, продолжающій войну во имя другихъ цѣлей внутри страны. Стиль совѣтской власти — военный стиль. Это — стиль завоевателей. Но это менѣе всего означаетъ, что завоеватели эти чужды состояніямъ самого народа. Народъ и выдвинулъ ихъ въ моментъ своего паденія и кроваваго разложенія. Большевики осуществили народный идеалъ чернаго передѣла. И они вполнѣ отвѣчаютъ русскому нигилизму. Это очень непопулярная и нелюбимая власть. Но непопулярная и нелюбимая власть

можетъ оказаться единственной возможной властью, ее можетъ заслужить народъ. Русскій народъ во время падшей войны и разложившейся революціи только и заслужилъ такой власти. И это не значить вмѣстѣ съ тѣмъ, что русскій народъ большевикъ. Катастрофа произошла въ самыхъ первоосновахъ русскаго общества и русской культуры, она произошла въ глубинѣ духа народнаго. Русскій народный слой въ сущности никогда не могъ не только соціально, но и религіозно принять русскій культурный слой и русское барство. Расколъ между верхнимъ и нижнимъ слоемъ у насъ всегда былъ таковъ, какого не знали народы Запада. Народъ не принялъ войны, потому не принялъ гуманитарно-демократической власти. И въ сужденіяхъ о революціи и о путяхъ спасенія отъ нея нельзя игнорировать духовное состояніе русскаго народа, состояніе его вѣрованій или его невѣрія. Все опредѣляется изнутри, а не извнѣ. Никто не обязанъ поклоняться вѣрованіямъ народа и волѣ народа, если онъ считаетъ эти вѣрованія и эту волю злыми. Я не признаю принципа суверенитета народа. Но безумно было бы игнорировать духовное состояніе народа. Власть не демократична по своей природѣ, но она должна быть народна. Все въ концѣ концовъ опредѣляется религіозными вѣрованіями народа, ими опредѣлялось и существованіе самодержавной монархіи. И если вѣрованія народныя ложны и злы, то я всѣ силы свои долженъ прежде всего направить на обращеніе моего народа къ истиннымъ и

добрымъ вѣрованіямъ. Духу принадлежитъ примать надъ политикой. Это теперь должно быть признано болѣе, чѣмъ когда-либо. Русскій вопросъ есть сейчасъ прежде всего духовный вопросъ. Въ духовнаго перерожденія Россія не можетъ быть спасена. Неодухотворенная борьба за политическую власть сейчасъ лишь увеличиваетъ ея болѣзнь, лишь усиливаетъ разложеніе. Между тѣмъ какъ тѣ, которые вели активную борьбу противъ революціи и коммунизма, не имѣли великой идеи, которую они могли бы противопоставить идеѣ коммунистической. И въ Западной Европѣ невозможно активно идейное движеніе противъ большевизма, потому что не сознаетъ она правды, во имя которой могла бы подняться въ крестовый походъ.

Мы переживаемъ состояніе схожее съ паденіемъ римской имперіи и античной цивилизаціи III вѣка, когда только христіанство духовно спасло міръ отъ гибели и окончательнаго разложенія. Варварскія начала уже вошли въ дряхлѣющую и падающую культуру. Аристократическія основы культуры потрясены. И необходима новая переработка варварской стихіи, необходимо рожденіе свѣта во тьмѣ. Большевизмъ нельзя ликвидировать хорошей организаціей кавалерійскихъ дивизій. Кавалерійскія дивизіи сами по себѣ могутъ лишь усилить хаосъ и разложеніе. Онѣ поддерживаютъ то недолжное и опасное состояніе, въ которомъ власть создается лишь внѣшней военной силой, лишь солдатчиной. На этомъ пути и погибла римская

имперія. Большевизмъ долженъ быть прежде всего преодолень изнутри духовно, а затѣмъ уже политически. Долженъ быть найденъ новый духовный принципъ организаціи власти и культуры. Военный принципъ въ наши дни можетъ стать и злымъ принципомъ и необходимо искать выходовъ изъ его исключительнаго господства. Этому научаетъ насъ и нынѣшнее состояніе Европы. Господство солдатчины грозитъ огрубѣніемъ всей культуры и помимо большевиковъ. Вся европейская политика основана на насиліи и лжи. И въ Европѣ произошло страшное огрубѣніе. Это мы видимъ и на такомъ интересномъ явленіи какъ фашизмъ. Итальянскій фашизмъ, вопреки распространенному мнѣнію, тоже былъ революціей, совершенной молодыми людьми, прошедшими школу войны, полными энергіи и жажды преобладанія въ жизни. Эти молодые люди имѣютъ психологическое сходство съ совѣтскими молодыми людьми, но энергія ихъ направлена въ другое русло и приняла не разрушительный, а созидательный характеръ. Мы живемъ въ эпоху цезаризма. И значеніе будутъ имѣть лишь люди типа Муссолини, единственнаго, быть можетъ, творческаго государственнаго дѣятеля Европы, который сумѣлъ подчинить себѣ и національной идеѣ воинствующе-насильническіе инстинкты молодежи, даль выходъ энергіи.

Я совѣмъ не пассивистъ, наоборотъ, но бываютъ времена, когда необходимо возстать противъ того, чтобы историческія судьбы опредѣлялись исключительно военной силой. Россію

погубило превращеніе народа въ войско. Войско разрушило государство. И спасти можетъ лишь какой-то высшій принципъ. Буржуазно-капиталистическій милитаризмъ самъ себя разрушилъ, онъ уничтожилъ войну въ старомъ и благородномъ смыслѣ слова. Войны роковымъ образомъ превратились въ революціи. И сейчасъ въ мірѣ все болѣе и болѣе побѣждаетъ типъ революціонныхъ войнъ. Новыя техническія открытія грозятъ истребленіемъ человѣчества. Нѣтъ, проблема большевизма не есть внѣшне-механическая проблема, разрѣшаемая военной силой, эта — прежде всего внутренне-духовная проблема. Нельзя исключительно военнымъ путемъ освободить Россію и русскій народъ отъ большевиковъ, какъ шайки разбойниковъ, которая держитъ его связаннымъ. Это — внѣшнее и поверхностное воспріятіе. Русскій народъ въ огромной массѣ своей терпѣть не можетъ большевиковъ, но онъ находится въ большевистскомъ состояніи, во лжи. Это — парадоксъ, который долженъ быть понятъ до конца. Русскій народъ долженъ быть выведенъ изъ большевистскаго состоянія, преодолѣть въ себѣ большевизмъ. Есть ли это проповѣдь пассивности въ противоположность активности, которую проповѣдуютъ тѣ, которые хотятъ разрѣшить русскую трагедію исключительно военной силой? Когда пала римская имперія и рушился весь древній міръ, Діоклетіанъ проявлялъ большую энергію, пытаясь укрѣпить имперію. Но меньшую ли активность проявлялъ Бл. Августинъ и не при-

надлежитъ ли ему бѣльшее мѣсто во всемирной исторіи, чѣмъ Діоклетіану? Наше время есть прежде всего время дѣлъ, подобныхъ дѣлу Бл. Августина. Намъ нужна вѣра и идея. Спасеніе нынѣ погибающихъ обществъ пойдетъ отъ союзовъ и корпорацій, имѣющихъ крѣпкую основу, воодушевленныхъ вѣрою. Изъ нихъ сложится новая ткань общества. Они должны укрѣплять связи въ эпоху паденія старыхъ государствъ. А старыя государства рушатся. Новая исторія кончается. И мы подходимъ къ эпохѣ аналогичной раннему средневѣковью. Реакціонерами, людьми отсталыми должны быть признаны тѣ, которые хотятъ удержаться на принципахъ новой исторіи, вернуться къ идеямъ ХІХ вѣка, хотя бы то была демократія, гуманистическій социализмъ и пр. Революція, совершающаяся въ Европѣ, можетъ производить впечатлѣніе реакціи, какъ напр., фашизмъ. Но она во всякомъ случаѣ направлена противъ началъ новой исторіи, противъ безсодержательнаго либерализма, противъ индивидуализма, противъ юридическаго формализма.

* * *

*

Очень полезно въ наши дни напомнить объ идеяхъ Ж. де Местра о революціи, высказанныхъ въ его гениальной книгѣ „*Considérations sur la France*“. Ему впервые удалось сказать что-то существенное о природѣ всякой революціи. Революція — сатанична. Въ ней дѣйствуютъ не люди, а выс-

шія силы. Революціонеры лишь кажутся активными, въ дѣйствительности они пассивны, они лишь орудіе невѣдомой имъ силы. Но революціи не только сатаничны, онѣ также провиденціальны, онѣ посылаются народамъ за ихъ грѣхи, онѣ есть искупленіе вины. Ж. де Местръ не былъ человѣкомъ стараго режима, дореволюціоннымъ человѣкомъ. Онъ понималъ своеобразное величіе революціи, понималъ ея роковой характеръ. Онъ величайшій идеологъ реакціи начала XIX вѣка, глава теократической школы, роялистъ, думаетъ, что революціонеры, якобинцы дѣйствовали для славы Франціи, въ то время какъ контръ-революціонеры, эмигранты, хотѣли раздѣленія Франціи и побѣды надъ ней. Насильственную контръ-революцію де Местръ признаетъ рѣшительнымъ зломъ, онъ ея не хочетъ, онъ ждетъ терпѣливо, чтобы созрѣла органическая почва для возстановленія монархіи. Ж. де Местръ не любилъ эмигрантовъ эпохи французской революціи и осуждалъ ихъ, считалъ ихъ дѣятельность не національной и не патріотической. Онъ настаивалъ на совершенномъ безсиліи и ничтожествѣ французскихъ эмигрантовъ. „Эмигранты ничто и не могутъ ничего“. „Одинъ изъ законовъ французской революціи, что эмигранты ее могутъ атаковать лишь для собственнаго несчастья, и совершенно исключены изъ какого бы то не было дѣла, которое должно совершиться“. „Они никогда ничего не предприняли, чтобы удалось и даже что не было бы обращено противъ нихъ. Они не только ничего не достигаютъ, но и

все, что они предпринимаютъ, носить характеръ такого безсилія и ничтожества, что сложилось мнѣніе о нихъ, какъ о людяхъ, которые защищаютъ осужденное дѣло“. (*Oeuwres choisies de Joseph de Maistre. Considérations sur la France*, стр. 124-5). Эмигранты „не должны болѣе дѣлать внѣшнихъ усилій, быть можетъ даже желательно, чтобы ихъ никогда не видѣли въ угрожающей позѣ“ (стр. 127). „Эмигранты ничего не могутъ, и можно даже прибавить, что они ничто“ (стр. 128). Ж. де Местръ, который имѣетъ такую устрашающую репутацію, былъ сторонникомъ мягкой и безкровной, почти нѣжной контръ-революціи, онъ рѣшительный противникъ мести. У него есть также очень тонкая мысль, что не могутъ быть выразителями пореволюціонной, контръ-революціонной справедливости тѣ, которые революціей обижены, такъ какъ они будутъ мстителями. „Самое большое несчастье, которое можетъ случиться съ деликатнымъ человѣкомъ, это быть судьей убійцы своего отца, своего родственника, своего друга, или похитителя его имѣнія. А это именно и случилось бы, если бы произошла контръ-революція такой, какъ ее ожидали; такъ какъ высшіе судьи всѣ почти принадлежали бы къ классу обиженному, и юстиція, даже еслибы она только наказывала, имѣла бы видъ мести“. Вот изумительныя по благородству слова, которыя очень слѣдуетъ повторять въ наши дни, когда жажда мести легко смѣшивается со справедливымъ судомъ. Де-Местръ тоже думалъ, что народъ долженъ изжить горкіе плоды револю-

ції и получить къ ней отвращеніе, что революція должна сама себя пожрать. И онъ видитъ провиденціальную справедливость въ томъ, что революціонеры истребляютъ другъ друга. Народы никогда не достигаютъ того, къ чему стремятся. И французская революція будетъ имѣть положительное значеніе, но не то, которое пытались придать ей дѣятели революціи. Самъ Ж. де Местръ былъ положительнымъ результатомъ революціи. Католическое и романтическое движеніе начала XIX-го вѣка возможно было лишь послѣ революціи. Оно было настоящимъ завоеваніемъ революціи. Такъ будетъ и у насъ. Положительнымъ результатомъ революціи будетъ религіозное углубленіе и возрожденіе. Начнется новая эпоха въ христіанствѣ, освобождена будетъ церковь отъ власти государства. Въ сужденіяхъ пламеннаго реакціонера де Местра о революціи была большая отрѣшенность. Объ этихъ сужденіяхъ полезно напомнить въ наше время. Но эмиграція эпохи русской революціи отличается отъ эмиграціи эпохи французской революціи. Страданія ея велики. Она болѣе разнообразна, къ ней принадлежитъ очень высокій культурный слой и она можетъ имѣть большое положительное культурное значеніе, если преодолѣетъ въ себѣ специфически эмигрантскую психологію. Въ русской эмиграціи есть героически настроенная молодежь, способная къ самоотверженію. Задачи русской эмиграціи лежатъ прежде всего въ области духовной и національно-культурной, а не политической. Но

русская эмиграція пока не имѣетъ вдохновляющихъ ее идей. Нельзя назвать идеей возвратъ къ политическимъ формамъ, господствовавшимъ въ недавнемъ прошломъ или въ жизни или въ сознаниіи. Всѣ старыя политическія формы, будь то монархія или демократія, отжили свое время и сами по себѣ не имѣютъ цѣны.

* *
*

Русская революція совершилась по Достоевскому. Онъ пророчески раскрылъ ея идейную діалектику и далъ ея образы. Достоевскій понималъ, что социализмъ въ Россіи есть религіозный вопросъ, вопросъ атеистическій, что русская революціонная интеллигенція совсѣмъ не политикой занята, а спасеніемъ челоѳчества безъ Бога. И тѣмъ, которые хотятъ понять смыслъ русской революціи, необходимо вдуматься въ прозрѣнія Достоевскаго. Можно открыть неисчислимое количество причинъ русской революціи. Многія изъ этихъ причинъ бросаются всякому въ глаза. Страшная война, которой духовно и матеріально не могъ выдержать русскій народъ, слабое правосознаніе русскаго народа и отсутствіе въ немъ настоящей культуры, земельная неустроенность русскаго крестьянства, зараженность русской интеллигенціи ложными идеями — все это безспорныя причины русской революціи. Но не на этихъ путяхъ раскрывается основной смыслъ русской революціи. Смыслъ этотъ раскрывается въ ея

духовномъ первофеноменѣ. Въ историческомъ процессѣ дѣйствуютъ разнообразныя причины, которыя раскрываетъ историческая наука, но философія исторіи имѣетъ своей цѣлью раскрытіе основныхъ духовныхъ феноменовъ, первофеноменовъ, въ которыхъ и нужно искать смыслъ историческихъ событій. Такъ для новой исторіи такимъ основнымъ духовнымъ феноменомъ является гуманизмъ и его внутренняя діалектика. Онъ и лежитъ и въ основѣ французской революціи, хотя она имѣла свои многообразныя специфическія причины. И вотъ я утверждаю, что въ основѣ русской революціи, разыгравшейся въ полу-азіатской, полуварварской стихіи и въ атмосферѣ разложившейся войны, лежитъ религіозный фактъ, связанный съ религіозной природой русскаго народа. Русскій народъ не можетъ создать срединнаго гуманистическаго царства, онъ не хочетъ правового государства въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Это — аполитическій народъ по строенію своего духа, онъ устремленъ къ концу исторіи, къ осуществленію царства Божьяго. Онъ хочетъ или царства Божьяго, братства во Христвѣ, или товарищества въ антихриствѣ, царства князя міра сего. Въ русскомъ народѣ всегда была исключительная, невѣдомая народамъ Запада, отрѣшенность, онъ не чувствовалъ исключительной прикованности и привязанности къ земнымъ вещамъ, къ собственности, къ семьѣ, къ государству, къ своимъ правамъ, къ своей мебели, къ внѣшнему бытовому укладу. Русскій народъ приковывался

къ земной жизни грѣхомъ и грѣхи его были не меньшіе, даже большіе, чѣмъ у народовъ Европы. Русскій народъ, вѣроятно, менѣе честный и добропорядочный народъ, чѣмъ народы Запада. Но народы Запада добродѣтелями своими прикованы къ земной жизни и земнымъ благамъ. Русскій же народъ добродѣтелями своими отрѣшенъ отъ земли и обращенъ къ небу. Въ этомъ духовно воспитало его православіе. Европейскій человѣкъ считаетъ свою собственность священной и не позволяетъ безъ жестокой борьбы отнять ее у себя. У него есть идеологія, оправдывающая его отношеніе къ земнымъ благамъ. Русскій человѣкъ, даже если грѣхъ корыстолюбія и стяжательства овладѣлъ его природой, не считаетъ своей собственности священной, не имѣетъ идеологическаго оправданія своего обладанія матеріальными благами жизни, и въ глубинѣ души думаетъ, что лучше уйти въ монастырь или сдѣлаться странникомъ. Легкость низверженія собственности въ Россіи произошла не только отъ слабости правосознанія въ русскомъ народѣ и недостатка буржуазной честности, но и отъ исключительной отрѣшенности русскаго человѣка отъ земныхъ благъ. То, что европейскому буржуа представлялось добродѣтелью, то русскому человѣку представлялось грѣхомъ. И русскій помѣщикъ никогда не былъ до конца увѣренъ, что онъ по правдѣ владѣетъ своей землей. Не случайно А. С. Хомяковъ думалъ, что онъ владѣетъ землями лишь по порученію народа управлять ими. И русскій купецъ думалъ,

что нажился онъ нечистыми способами и раньше или позже долженъ покаяться. Православіе внушало идею обязанности, а не идею права. Обязанности не исполняли по грѣховности, право же не считали добродѣтелью. Буржуазная идеологія никогда не имѣла у насъ силы и не владѣла русскими сердцамаи. У насъ никогда не было идейно приличнаго обоснованія правъ буржуазныхъ классовъ и буржуазнаго строя. Буржуазный строй у насъ въ сущности почти всѣ считали грѣхомъ, — не только революціонеры-соціалисты, но и славянофилы и русскіе религіозные люди, и всѣ русскіе писатели, и даже сама русская буржуазія, всегда чувствовавшая себя нравственно униженной.

И европейскаго буржуа нельзя противопоставлять русскому коммунисту. По духовному складу русскаго народа, русскаго человѣка такъ нельзя побѣдить коммунизмъ, нельзя побѣдить его буржуазными идеями и буржуазнымъ строемъ. Такова Россія, таково призваніе русскаго народа въ мірѣ. Хомяковъ и К. Леонтьевъ, Достоевскій и Л. Толстой, Вл. Соловьевъ и Н. Федоровъ низвергаютъ буржуазный строй и буржуазный духъ не менѣе, чѣмъ русскіе революціонеры, соціалисты и коммунисты. Такова русская идея. И русскимъ патриотамъ слѣдуетъ ее сознать. Русскій религіозный человѣкъ сознаетъ, что передъ лицомъ Божиимъ европейскій буржуа не лучше, чѣмъ русскій коммунистъ. И не можетъ русскій человѣкъ хотѣть, чтобы на мѣсто коммуниста пришелъ европейскій буржуа. Онъ не соглашается замѣнить коммуни-

стическіе пороки буржуазными добродѣтелями, ибо добродѣтели эти онъ извергаетъ. Секуляризованная культура, добропорядочная и благоустроенная цивилизація не соблазняетъ русскаго чловѣка, русскаго религіознаго чловѣка. Поэтому и социализмъ у насъ носитъ сакральный характеръ, есть лже-церковь и лже-теократія. Русскіе люди всегда духовно противились власти буржуазно-мѣщанской цивилизаціи XIX вѣка, не любили ее, видѣли въ ней умаленіе духа. Въ этомъ Герценъ и К. Леонтьевъ сходятся. И нельзя русскимъ людямъ привить нѣмецкій или французскій патріотизмъ, западно-европейскій націонализмъ. Многіе русскіе патріоты и націоналисты выглядятъ безнадежными инородцами, чуждыми душѣ Россіи. Все это нужно помнить, чтобы понять характеръ русской революціи. У насъ никогда не было буржуазной идеологіи. Никогда не было у насъ и идеологіи государственной. Катковъ не былъ характернымъ для Россіи мыслителемъ. Русскій духъ не можетъ признать верховенства государственной идеи, она всегда будетъ занимать подчиненное мѣсто, а часто и совсѣмъ отсутствовать. Русскимъ людямъ присущъ своеобразный анархизмъ. Русскій народъ устремленъ къ царству Божьему. И этимъ объясняются не только его добродѣтели, но и многіе его пороки. Ибо царство Божье нудится и есть бремя послушанія міру, которое долженъ нести чловѣкъ на землѣ, есть долгъ въ отношеніи къ историческому процессу, который русскіе люди часто забываютъ.

Вотъ почему наша несчастная и безобразная революція должна быть признана національной. Душа русскаго человѣка устремлена къ царству Божьему, но она легко поддается соблазнамъ, подмѣнамъ и смѣшеніямъ, легко попадаетъ во власть царства лжи. И царство лжи и подмѣнъ воцарилось въ Россіи. Въ большевикахъ есть что-то запредѣльное, потустороннее. Этимъ жутки они. Магическіе токи и энергіи исходятъ отъ самаго средняго большевика. За каждымъ большевикомъ стоитъ коллективная намагниченная среда и она, повергаетъ русскій народъ въ магнетическій сонъ, заключаетъ русскій народъ въ магическій кругъ. Нужно расколдовать Россію. Вотъ главная задача.

* *
*

Русскую революцію нужно пережить духовно углубленно. Долженъ наступить катарсисъ, внутреннее очищеніе. Тотъ не пережилъ духовно революціи, кто пережилъ ее корыстно, кто хочетъ возвращенія себѣ утеряннаго имущества, кто полонъ злобы и жаждетъ возмездія. Это — тѣлесное, а не духовное переживаніе революціи, обывательское къ ней отношеніе. Не духовно пережилъ революцію тотъ, кто къ ней приспособился и не сумѣлъ отстоять въ ней свободу своего духа, и тотъ, кто мечтаетъ о реставраціи старой, дореволюціонной жизни, полный злобы и мести, не сознаетъ своего собственнаго грѣха. Лишь подлинное покаяніе дѣлаетъ переживаніе револю-

ціи духовнымъ. Черезъ тайну и таинство покаянія раскрывается новая жизнь. Только покаяніе освобождаетъ отъ власти темнаго прошлаго, отъ давящихъ его призраковъ. Психологія христіанскаго покаянія прямо противоположна не только психологіи революціонной, но и психологіи реставраціонной, всегда мстительно-злой. Жажда мести и жажда реставраціи старой грѣховной жизни совсѣмъ не совмѣстима съ покаяніемъ, всегда обращеннымъ къ новой жизни, это — состояніе нераскаянныхъ грѣшниковъ. Духовное и углубленное переживаніе революціи должно признать глубокую серьезность переживаемаго кризиса, русскаго и міроваго. Нельзя продолжать дѣлать видъ, что ничего особеннаго не случилось, что произошло лишь буйство, безобразіе и скандалъ, которымъ легко положить предѣлъ полицейско-военными мѣрами. Нѣтъ ничего болѣе жалкаго, какъ самоутѣшеніе людей, выбитыхъ изъ первыхъ рядовъ жизни, выражающееся въ отрицаніи самаго факта революціи, въ желаніи назвать ее смутой и бунтомъ. Я думаю, что не только произошла революція въ Россіи, но происходитъ и міровая революція. Происходитъ міровой кризисъ, подобный паденію античнаго міра. И желать возвращенія къ тому состоянію міра, которое было до катастрофы міровой войны, значитъ совершенно не отдавать себѣ отчета въ томъ, что происходитъ, не имѣть исторической перспективы. Изжиты основы цѣлой исторической эпохи. Всѣ основы жизни потрясены, обнаружилась ложь и

гнилость тѣхъ основъ, на которыхъ покоилось цивилизованное общество XIX и XX вѣка. И эти основы, которыя въ гніеніи своемъ породили страшныя войны и революціи, хотять реставрировать, вождельютъ этой грѣховной и дурной жизни. Ужасенъ прогрессивный параличъ, но не менѣе ужасенъ сифились, на почвѣ котораго онъ произошелъ. И въ Россіи и въ Европѣ нѣтъ возврата къ довоенной и дореволюціонной жизни и не должно быть. Если бы совершился этотъ возвратъ, то страданія и муки нашихъ дней не имѣли бы смысла и оправданія. Дурное реакціонерство и есть желаніе возврата къ недавнему прошлому. Революція не создаетъ новой, лучшей жизни, въ ней совершается лишь гніеніе старой, грѣховной жизни. Но духовно пережитый опытъ войны и революціи долженъ обратить къ новой лучшей жизни. Это каждый духовно просвѣтленный человѣкъ долженъ рѣшить для себя, независимо отъ того, оптимистически или пессимистически онъ смотритъ на историческое будущее. Новая, лучшая жизнь есть прежде всего духовная жизнь. И каждый долженъ сказать себѣ: *fais ce que tu dois, advient ce qui pourra*. Нѣтъ возврата къ старому интеллигентному либерализму, народничеству, социализму, какъ нѣтъ возврата и къ старой монархіи, старому дворянскому быту. Мы должны желать новой, лучшей жизни, осуществленіе права.

Кончилась барская, господская Россія и все тлѣнное и грѣшное въ ней не можетъ быть воз-

рождено. Вѣчное же въ старой Россіи неистребимо и должно войти во всякую новую жизнь. Въ аристократіи есть вѣчное начало и міръ не могъ бы существовать безъ аристократіи. Но русскому дворянству, какъ классу и сословію, никогда не будетъ возвращено то соціальное значеніе, которое оно имѣло въ прошломъ. Вождельтъ этого значитъ наполнять сердце свое злобой и ненавистью. Никогда не вернетъ себѣ стараго своего положенія и русская буржуазія. Въ этомъ отношеніи произошелъ не внѣшній, а внутренній переворотъ. Революціи совершаются не только для соціальныхъ интересовъ низшихъ классовъ общества, но и для того, чтобы имъ перестали говорить „ты“ и начали говорить „вы“. Въ этомъ отношеніи у насъ совершился безповоротный бытовой переворотъ. Барско-господское отношеніе къ народу болѣе невозможно. Замѣна „ты“ „вы“ и будетъ, вѣроятно, единственнымъ бытовымъ завоеваніемъ революціи. Еще болѣе глубокой революціей было бы, еслибы всѣ начали говорить другъ другу „ты“. Но къ этому не ведутъ внѣшнія революціи, этого не могла достигнуть французская революція, хотя и пыталась. Отнынѣ аристократія должна оставаться благородствомъ породы. Въ Россіи разрушена структура соціальныхъ классовъ. И это было легко сдѣлать, потому что у насъ никогда не было сильныхъ соціальныхъ классовъ. Но нужно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что въ Россіи сейчасъ всѣ классы уничтожены, кромѣ крестьянства. Дворянства и буржуазіи, какъ соціальныхъ

классовъ, въ Россіи больше не существуетъ. Коммунистическія революціи уничтожали попутно и рабочій классъ. Кромѣ крестьянства существуетъ лишь совѣтская бюрократія и угнетенная интеллигенція. И совершенно непонятно, на какіе слои думаетъ опереться реставрація. Но въ Россіи образовался новый слой, не столько социальный, сколько антропологическій слой. Въ русской революціи побѣдилъ новый антропологическій типъ. Произошелъ подборъ біологически сильнѣйшихъ и они выдвинулись въ первые ряды жизни. Появился молодой человѣкъ во френчѣ, гладко выбритый, военнаго типа, очень энергичный, дѣльный, одержимый волею къ власти и проталкивающийся въ первые ряды жизни, нѣ большинство случаевъ наглый и беззастѣнчивый. Его можно повсюду узнать, онъ повсюду господствуетъ. Это онъ стремительно мчится на автомобилѣ, сокрушая все и вся на пути своемъ, онъ засѣдаетъ на отвѣтственныхъ совѣтскихъ мѣстахъ, онъ растрѣливаетъ и онъ наживается на революціи. Этотъ молодой человѣкъ, внѣшне мало похожій и даже во всѣмъ противоположный старому типу революціонера, или коммунистъ или приспособился къ коммунизму и стоитъ на совѣтской платформѣ. Онъ заявляетъ себя хозяиномъ жизни, строителемъ будущей Россіи. Черезъ него и благодаря ему большевики побѣдили въ Россіи. Старые большевики, русскіе интеллигенты-революціонеры, боятся этого новаго типа и предчувствуютъ въ немъ гибель коммунистической идеи, но должны

съ нимъ считается. Чека также держится этими молодыми людьми. Это — новый русскій буржуа, господинъ жизни, но это не соціальный классъ. Это прежде всего новой антропологической типъ. Въ Россіи, въ русскомъ народѣ что-то до неузнаваемости измѣнилось, измѣнилось выраженіе русскаго лица. Такихъ лицъ прежде не было въ Россіи. Новый молодой человѣкъ — не русскій, а интернаціональный по своему типу. Въ Россіи появился вкусъ къ силѣ и власти, буржуазный вкусъ, котораго у насъ не было и рожденія котораго хотѣли наши буржуазные идеологи и который должны были бы теперь привѣтствовать. Война сдѣлала возможнымъ появленіе этого типа, она была школой, вырабатывавшихъ этихъ молодыхъ людей. Дѣти, внуки этихъ молодыхъ людей будутъ уже производить впечатлѣніе солидныхъ буржуа, господъ жизни. Эти господа проберутся къ первымъ мѣстамъ жизни черезъ дѣятельность чека, совершивъ неисчислимое количество разстрѣловъ. И кровь не остановитъ ихъ въ осуществленіи своей похоти жизни и похоти власти. Самая злобѣщая фигура въ Россіи — это не фигура стараго коммуниста, обреченная на смерть, а фигура этого новаго молодого человѣка. Въ ней можетъ быть загублена душа Россіи, призваніе русскаго народа. Тотъ новый антропологическій типъ можетъ свергнуть коммунизмъ, онъ можетъ обернуться русскимъ фашизмомъ. Но отъ этого еще не будетъ большой радости. Все дѣло не въ поверхности жизни, именуемой коммуниз-

момъ и совѣтской властью, а во внутреннихъ процессахъ, совершающихся въ Россіи. Страшно именно то, что въ коммунистической революціи Россія дѣлается впервые буржуазной, мѣщанской страной, какой она никогда не была. Ловкіе, беззащитные и энергичные дѣльцы міра сего выдвинулись и заявили свои права быть господами жизни. Имъ невѣдома уже будетъ русская тоска по Небесному Іерусалиму. Царская, дворянская, мужицкая, монашеская, странническая и интеллигентская Россія никогда не была буржуазнымъ мѣщанскимъ царствомъ. То, чего такъ безумно боялся К. Леонтьевъ, совершилось. И объ этомъ нужно глубже задуматься, чѣмъ о способахъ сверженія совѣтской власти. Русская эмиграція недостаточно понимаетъ, что русскій вопросъ совсѣмъ не въ кучкѣ большевиковъ, стоящихъ у власти, которую можно было бы свергнуть, а въ огромномъ слоѣ новыхъ людей, пришедшихъ къ господству въ жизни, которыхъ свергнуть не такъ легко. Коммунистическая революція есть прежде всего матеріализація русской жизни, парадоксально связанная съ развоплощеніемъ историческихъ тѣлъ. Коммунизмъ есть борьба противъ духа и духовной жизни. И его моральныя послѣдствія болѣе ужасны, чѣмъ послѣдствія государственныя, правовыя и экономическія, они будутъ длительнѣе. Россія переживаетъ эпоху доморализаціи, погони за наслажденіями жизни, аналогичную эпохѣ директоріи. Матеріализація и деморализація захватили не только коммунистовъ, этотъ процессъ

гораздо шире. Русскіе люди привыкають къ рабству, имъ болѣе не нужна свобода, они предали свободу духа за внѣшнія блага. Черное чувство зависти становится опредѣляющей силой міра. И трудно остановить его возрастающую власть.

Въ Россіи прерывается культурная традиція. Предстоитъ страшное пониженіе уровня культуры, качества культуры. Россія въ преобладающей своей части сдѣлается царствомъ цивилизованнаго крестьянства. Новая русская буржуазія, подъ которой слѣдуетъ понимать не классъ фабрикантовъ и банкировъ, а побѣдоносный соціально-антропологическій типъ, предъявить спросъ на техническую цивилизацію, но не будетъ нуждаться въ высшей культурѣ, всегда аристократической. Процессъ варваризаціи у насъ неотвратимо долженъ произойти. Мы можемъ утѣшать себя тѣмъ, что послѣ войны варваризація должна произойти и происходитъ частично и повсюду въ Европѣ. Революція разбила не только русское дворянство, но и русскую интеллигенцію въ старомъ смыслѣ слова. Интеллигенція столѣтіе мечтала о революціи и готовила ее. Но осуществленіе революціи оказалось ея гибелью, ея собственнымъ концомъ. Одна часть интеллигенціи стала властью, другая же ея часть была выброшена за бортъ жизни. Революція изобличила ложность идеологіи, которой жила интеллигенція. Должна народиться новая народная интеллигенція, но она будетъ очень понижена въ своемъ культурномъ уровнѣ, ей не свойственны будутъ высшіе запросы духа. Въдѣ

и интеллигенція Чернышевскаго была уже значительнымъ пониженіемъ культурнаго уровня по сравненію съ интеллигенціей Чаадаева, Хомякова и Герцена. Когда русскій мужикъ пожелаетъ устроить свою жизнь, ему не понадобятся ни с.-р., ни кадеты, ни правые, онъ самъ устроится. Грядущій образъ Россіи двоится, онъ не можетъ быть воспринять цѣлостно. Старая, великая Россія была полна великихъ контрастовъ и полярныхъ противоположностей. И все же былъ у нея цѣлостный образъ. Одна и та же Россія чувствовалась на вершинахъ русской культуры, у великихъ русскихъ писателей, и въ самыхъ темныхъ нѣдрахъ народной стихіи. Этого, повидимому, болѣе не будетъ. Въ Россіи какъ бы происходитъ раздѣленіе на два царства. Качественно будетъ продолжать существовать вѣчная Россія, Россія духовная, призванная сказать свое слово въ концѣ исторіи, но количественно, можетъ быть, будетъ преобладать Россія безбожной цивилизаціи. Но и повсюду въ мірѣ должно произойти раздѣленіе и повсюду по видимости могутъ побѣждать враждебныя Христову духу начала. Наши усилія должны быть направлены къ побѣдѣ вѣчной, качественной Россіи и усилія эти не пропадутъ въ нравственномъ міропорядкѣ.

Старая интеллигентски-революціонная психологія теперь перешла къ контръ-революціоннымъ эмигрантскимъ кругамъ. Тѣ чувства, которыя раньше были направлены на самодержавіе, переносятся на большевизмъ. Большевизмъ для рус-

ской интеллигенціи замѣнилъ самодержавіе и исполняетъ его роль. Подобно тому, какъ раньше думали, что настоящая жизнь начнется лишь послѣ крушенія самодержавія, такъ и теперь думаютъ, что настоящая жизнь начнется лишь послѣ крушенія большевизма. Такъ вся жизнь ставится въ исключительно внѣшнюю перспективу, всѣ ожиданія связаны исключительно съ внѣшнимъ политическимъ переворотомъ. Контръ-революціонная въ отношеніи къ большевистской революціи интеллигенція осталась по психологіи своей старо-либеральной и старо-радикальной. Но ничего нѣтъ безплоднѣе въ нашу эпоху, чѣмъ такого рода либерализмъ или радикализмъ. И опять слѣдуетъ напоминать о правдѣ старыхъ „Вѣхъ“, эта правда остается въ силѣ и при большевикахъ. Она прежде всего заключается въ томъ, что жизнь опредѣляется изнутри и духовно, а не извнѣ и политически, какъ думаютъ всѣ революціонеры и подобные имъ контръ-революціонеры, она призываетъ къ духовной работѣ и нравственному оздоровленію. Нельзя вѣрить въ спасительность политическихъ формъ, демократическихъ или монархическихъ. Спасаетъ только духъ, который создаетъ свои новыя формы. Для новаго вина нужны новыя мѣха. Легитимизмъ, все равно монархическій или демократическій, есть мертвая идея въ катастрофическіе періоды исторіи. Монархія, да еще насильно навязанная народу, не можетъ быть конкретной задачей въ нашу эпоху и для монархистовъ.

Революція нанесла тяжелыя раны Россіи, отъ которыхъ она съ трудомъ сможетъ оправиться. Но въ одномъ отношеніи революція будетъ имѣть положительные результаты, она послужитъ дѣлу возрожденія Церкви и религіозной жизни въ Россіи. Революція всегда помогаетъ проявить дѣйствительное религіозное состояніе народа. Въ жизни религіозной у насъ накопилось много лжи и лицемерія. Внѣшне-бытовое и корыстно-утилитарное отношеніе къ православнои церкви преобладало у слишкомъ многихъ. Авторитетъ коснаго православнаго быта долженъ былъ быть разбитъ. У верхняго нашего слоя, у дворянства и бюрократіи религіозность не была глубокой и христіанство не принималось достаточно въ серіозъ. Религіозность садукеевъ всегда носитъ характеръ государственный и въ ней перспективы жизни временной всегда побѣждаютъ перспективы жизни вѣчной. Въ церковной жизни нашей были замѣтны признаки омертвѣнія. Религія разсѣяла лживую атмосферу вокругъ церкви и разрыхлила почву, на которой возгорается религіозный свѣтъ. Въ атмосферѣ революціи нѣтъ уже никакихъ основаній притворяться православнымъ, нѣтъ уже никакихъ внѣшнихъ выгодъ отъ церкви и государственная религіозность не имѣетъ мѣста. Революція изначально носитъ характеръ антирелигіозный и антихристіанскій. Она гонитъ христіанство и гоненія эти приняли безобразный характеръ.. Но гоненія никогда не были страшны для христіанства. Гоненіе для церкви лучше, чѣмъ

насильническое покровительство. Въ гоненіяхъ христіанство крѣпло и возросло. Христіанство есть религія распятой правды. Религіозныя гоненія революціонной эпохи производятъ качественный отборъ. Церковь потеряетъ въ количествѣ, но выиграетъ въ качествѣ. Христіанство вновь требуетъ отъ вѣрныхъ сыновъ своихъ жертвостоспособности. И эта жертвостоспособность въ стихіи революціи была проявлена. Русскіе православные священники въ лучшей своей части остались вѣрны святынѣ, мужественно защищали православіе, мужественно шли на разстрѣлъ. Христіане показали, что они умѣютъ умереть. Русская православная Церковь внѣшне унижена и растерзана, но внутренне возросла и возвеличена. Она имѣетъ мучениковъ. Православная Церковь показала, что внутреннее единство ея, внутренній свѣтъ ея и мистическія основы ея остаются неизблемы и послѣ того, какъ внѣшнее церковное управленіе и внѣшній строй Церкви разрушенъ. Въ Россіи несомнѣнно происходитъ церковное углубленіе. Русскіе люди, претерпѣвшіе величайшія испытанія, живутъ въ религіозно напряженной атмосферѣ. Суровость и серіозность жизни, близость смерти, паденіе всѣхъ внѣшнихъ иллюзій и потеря тѣхъ внѣшнихъ вещей, которыя поработщуютъ челоуѣческой духъ, — все это обращаютъ къ Богу и духовной жизни. Интеллигенція, которая столѣтіе была враждебна вѣрѣ и проповѣдывала тотъ атеизмъ, который и привелъ къ революціи, начинаетъ обращаться къ религіи. Это — новое

явленіе. И въ самой Россіи это движеніе къ религіозной жизни не носить корыстнаго характера, не связано съ реставраціонными планами и жаждой вернуть себѣ утерянныя блага жизни. Русскіе люди пережили подлинный духовный опытъ, измѣнили свое отношеніе къ благамъ жизни. Къ сожалѣнію нужно сказать, что русская православная Церковь на Западѣ, за рубежомъ нерѣдко подвергается угнетенію и засилію правыхъ политическихъ партій, воспроизводящихъ въ маломъ масштабѣ старыя отношенія церкви и государства. На почвѣ утилитарно-политическаго отношенія къ Церкви не будетъ ни возрожденія Церкви, ни возрожденія Россіи. Церковь не можетъ себя связать съ какой-либо застывшей политической формой. Только безкорыстно-духовное отношеніе къ Церкви, только согласіе на жертвы и на отказъ отъ привилегированныхъ благъ жизни можетъ вести къ религіозному возрожденію и спасенію нашей родины. Теперь не время ни для садукеевъ, ни для фарисеевъ. Теперь время реализаціи въ жизни евангельской истины. Будущее Россіи зависитъ отъ религіозныхъ вѣрованій русскаго народа. Это должны сознать всѣ политики и покориться этой истинѣ. Лучшій изъ русскихъ старцевъ накануне моей высылки изъ Россіи разсказалъ мнѣ, какъ къ нему ходятъ каяться коммунисты и красноармейцы, и говорилъ, что надѣется не на Деникина и Врангеля, а на дѣйствіе духа Божьяго въ самомъ грѣшномъ русскомъ народѣ. Это не только религіозно, но и національно болѣе

авторитетный голосъ, чѣмъ голоса тѣхъ русскихъ эмигрантовъ, которые почитаютъ себя націоналистами и патриотами, но въ русской народъ не вѣрятъ. Слова старца прозвучали, какъ голосъ изъ иного міра, въ которомъ нѣтъ „правыхъ“ и „лѣвыхъ“, нѣтъ борьбы политическихъ партій за власть и борьбы классовъ за свои матеріальные интересы. И мы сами должны обратиться къ иному міру, чтобы въ немъ найти критеріи для нашихъ оцѣнокъ и энергію для нашихъ дѣлъ. Должно быть религиозно преодолено ложное идолопоклонство передъ государствомъ и національностью.

Нельзя, невозможно и недолжно поставить себя внѣ Россіи и русскаго народа, внѣ его единой судьбы. Произошло обобществленіе человѣческой судьбы и нѣтъ уже судьбы индивидуальной изолированной. Индивидуализмъ конченъ. Съ русскимъ народомъ и русской землей нужно до конца претерпѣть всѣ испытанія и всѣ страданія. Россія прежде всего тамъ, гдѣ русская земля и русскій народъ. И само прикосновеніе къ русской землѣ есть уже начало исцѣленія и обрѣтенія истоковъ жизни. Вотъ почему психологія специфически эмигрантская есть грѣховная психологія, убивающая источники жизни. Ея можетъ и не быть у русскихъ людей живущихъ за границей. Спасена Россія можетъ быть лишь изнутри, лишь черезъ жизненные процессы, протекающіе въ самой Россіи. Народъ не хочетъ умирать и спасаетъ себя жизнью. Большевистская власть къ

жизни должна приспособляться. Въ совѣтское строительство вѣрить нельзя, оно ужаснѣе и кошмарнѣе совѣтскаго разрушенія. Это — система Шигалева, система скотоводства, примѣненная къ людямъ. Большевики лишь внѣшне поражаютъ своей силой. Но они до ужаса бездарны и на дѣлахъ ихъ лежитъ печать пошлости и скуки. Они имитируютъ людей власти. Но русскій народъ за всѣмъ этимъ и несмотря на все это живетъ, онъ остался великимъ и одареннымъ народомъ. Въ нѣдрахъ Россіи, въ ея первичныхъ истокахъ происходятъ молекулярные процессы, которые и приведутъ къ ея спасенію. И вы сами можете быть участниками этихъ жизненныхъ процессовъ и измѣнять ихъ результаты, если вы духовно чувствуете себя внутри русскаго народа и русской земли. Нѣтъ ничего безнравственнѣе принципа: чѣмъ хуже тѣмъ лучше. Онъ возможенъ лишь для тѣхъ, которые чувствуютъ себя внѣ того, чему будетъ хуже или лучше. Кто съ Россіей, русской землей и русскимъ народомъ, тотъ можетъ лишь желать, чтобы ему было лучше. Да и конецъ большевизма придетъ отъ улучшенія, а не отъ ухудшенія положенія Россіи. Гнетъ голода и нищеты укрѣпляетъ большевиковъ. Жизнь въ самой Россіи есть мука, согласіе на жертву и подвигъ, на униженіе. Но этой мукой, жертвой и подвигомъ спасается Россія. Самый фактъ жизни въ совѣтской Россіи есть уже непрерывная духовная активность, духовное противленіе тѣмъ ядамъ, которые отравляютъ дыханіе. Коммуни-

стическая власть принуждаетъ къ повиновенію голодомъ и подкупомъ. И слабымъ людямъ трудно устоять. Странно вспомнить о жалобахъ и негодованіяхъ на отсутствіе свободы и тиранію въ старомъ строе. Тогда все таки была огромная свобода по сравненію со строемъ совѣтскимъ. Все произойдетъ иначе, чѣмъ думаетъ большая часть эмигрантовъ и представителей политическихъ партій. Много неожиданностей предстоить. И освобожденіе придетъ не оттуда, откуда его ждутъ люди, а откуда его пошлетъ Богъ. Нельзя ждать спасенія отъ Европы, которой нѣтъ дѣла до насъ и которая сама агонизируетъ. Нельзя изнасиловать русскій народъ, нужно способствовать его перерожденію изнутри. Революція должна сама себя изжить, истребить себя. И то, что большевизмъ такъ долго существуетъ, что онъ не былъ внѣшне и насильственно свергнутъ, имѣетъ и хорошую сторону. Коммунистическая идея сама себя опозорила, она не можетъ уже имѣть никакого ореола, ядъ не можетъ войти внутрь. Процессъ выздоровленія есть медленный, но органический процессъ. Это есть прежде всего искупленіе отъ духа лжи, выходъ изъ царства призраковъ и фантазмовъ къ реальностямъ. Сейчасъ болѣе всего необходимо утверждать приматъ духовной активности надъ политической. Необходимо духовно бороться съ кровавымъ кошмаромъ, охватившимъ міръ. Исключительное преобладаніе политики увеличиваетъ этотъ кошмаръ и усиливаетъ жажду крови. Теперь нужно спасать

свободу челоуѣческаго духа. Опять передъ христіанскими народами стоитъ вопросъ о томъ, принимаютъ ли они въ серіозъ свое христіанство и хотятъ ли направить свою волю къ его осуществленію. Если христіанскіе народы не сдѣлаютъ величайшаго напряженія духа для осуществленія христіанскаго пути, если не проявятъ величайшей активности, то въ мірѣ будетъ торжествовать атеистическій коммунизмъ. Свободный же духъ долженъ дѣйствовать независимо отъ того, какія силы преобладаютъ и торжествуютъ. Христіанство возвращается къ состоянію до Константина и должно вновь завоевывать міръ.

ДЕМОКРАТІЯ, СОЦІАЛІЗМЪ И ТЕОКРАТІЯ

I.

Меня интересуютъ духовныя первоосновы демократіи и соціализма и потому я сдѣлаю предметомъ своего изслѣдованія не многообразныя формы полу-демократіи и полу-соціализма, а предѣльныя выраженія этихъ типовъ, ихъ „идеи“. Существуютъ разнообразныя переходныя формы между демократіей и соціализмомъ, ихъ сближенія и сочетанія. Существуетъ многочисленная партія, которая именуется себя соціаль-демократической. Но правы были большевики, когда они отмѣнили наименованіе соціаль-демократовъ и дали себѣ имя коммунистовъ, т. е. вернулись къ „Коммунистическому манифесту“. Марксъ былъ коммунистомъ. Онъ не былъ соціаль-демократомъ. И никогда Марксъ не былъ демократомъ. Паѳосъ его существенно антидемократическій. „Научный“ соціализмъ возникъ и вошелъ въ мысль и жизнь народовъ Европы не какъ демократическое ученіе. Также не демократичень и антидемократичень

былъ и утопическій социализмъ Сень-Симона, который былъ реакціей противъ французской революціи и во многомъ родственъ былъ духу Ж. де Местра. Демократія и социализмъ принципиально противоположны. Русскіе коммунисты правы въ этомъ своемъ утвержденіи. Демократическій социализмъ Жоресовскаго типа, обосновываемый въ рамкахъ деклараціи правъ человѣка и гражданина, не есть настоящій социализмъ. Это — полу-социализмъ, не чисто выражающій социалистическую идею. Наши социалисты-революціонеры и правые меньшевики тоже скорѣе лѣвые демократы, чѣмъ социалисты.

Демократія носитъ формальный хахаактеръ, она сама не знаетъ своего содержанія и въ предѣлахъ утверждаемаго ею принципа не имѣетъ никакого содержанія. Демократія не хочетъ знать, во имя чего изъясняется воля народа, и не хочетъ подчинить волю народа никакой высшей цѣли. Въ тотъ моментъ какъ демократія сознаетъ цѣль, къ которой должна стремиться воля народа, обрѣтеть достойный предметъ для своей воли, наполнится положительнымъ содержаніемъ, она должна будетъ эту цѣль, этотъ предметъ, это содержаніе поставить выше самаго формальнаго принципа волеизъявленія, положить въ основу общества. Но демократія знаетъ только формальный принципъ волеизъявленія, которымъ дорожитъ превыше всего и который ничему не хочетъ подчинить. Демократія безразлична къ направленію и содержанію народной воли и не имѣетъ въ себѣ никакихъ

критеріевъ для опредѣленія истинности или ложности направленія, въ которомъ изъясняется народная воля, для опредѣленія качествъ народной воли. Народовластіе — безпредметно, оно не направлено ни на какой объектъ. Демократія остается равнодушной къ добру и злу. Она — терпима, потому что индифферентна, потому что потеряла вѣру въ истину, бессильна избрать истину. Демократія — скептическая, она возникаетъ въ скептическій вѣкъ, вѣкъ безвѣрія, когда народы утратили твердые критеріи истины и бессильны исповѣдывать какъ-либо абсолютную истину. Демократія есть крайній релятивизмъ, отрицаніе всего абсолютнаго. Демократія не знаетъ истины и потому она предоставляетъ раскрытіе истины рѣшенію большинства голосовъ. Признаніе власти количества, поклоненіе всеобщему голосованію возможно лишь при невѣріи въ истину и незнаніи истины. Вѣрующій въ истину и знающій истину не отдаетъ ее на растерзаніе количественнаго большинства. Демократія носитъ секулярный характеръ и она противоположна всякому сакральному обществу, потому что она формально безсодержательна и скептическая. Истина сакральна и общество обоснованное на истинѣ не можетъ быть исключительно секулярнымъ обществомъ. Секулярная демократія означаетъ отпаденіе отъ онтологическихъ основъ общества, отпаденіе общества человѣческаго отъ Истины. Она хочетъ политически устроить человѣческое общество такъ, какъ будто Истины не существовало бы, это основное предположеніе

чистой демократіи. И въ этомъ коренная идейная ложь демократіи. Въ основѣ демократической идеи лежитъ гуманистическое самоутвержденіе человека. Человѣческая воля должна направлять человѣческія общества и нужно устранить все, что мѣшаетъ изъявленію этой человѣческой воли и окончательному ея господству. Этимъ отрицаются духовныя основы общества, лежащія глубже формальнаго человѣческаго волеизъявленія и опрокидывается весь іерархическій строй общества. Демократія есть психологизмъ, противоположный всякому онтологизму.

Предпосылкой демократіи является крайній оптимизмъ. Скептицизмъ демократическаго общества — оптимистическій, а не пессимистическій скептицизмъ. Демократія не приходитъ въ отчаяніе отъ утери Истины. Она вѣритъ, что изъявленіе воли большинства, механической подсчетъ голосовъ всегда долженъ вести къ добрымъ результатамъ. Формальное изъявленіе воли народа ведетъ къ такой то правдѣ, порождаетъ какое-то благо. Въ основѣ демократіи лежитъ оптимистическая предпосылка о естественной добротѣ и благостности человѣческой природы. Духовнымъ отцомъ демократіи былъ Ж. Ж. Руссо и оптимистическія представленія его о человѣческой природѣ передались демократическимъ идеологіямъ. Демократія не хочетъ знать радикальнаго зла человѣческой природы. Она какъ будто-бы не предусматриваетъ того, что воля народа можетъ направиться къ злу, что большинство можетъ сто-

ять за неправду и ложь, а истина и правда можетъ остаться достояніемъ небольшого меньшинства. Въ демократіи нѣтъ никакихъ гарантій того, что воля народа будетъ направлена къ добру, что воля народа пожелаетъ свободы и не пожелаетъ истребить всякую свободу безъ остатка. Во французской революціи революціонная демократія, начавшая съ провозглашенія правъ и свободы человѣка, въ 1793 году не оставила никакихъ свободъ, истребила свободу безъ остатка. Воля человѣческая, воля народная во злѣ лежитъ и, когда воля эта, самоутверждающаяся, ничему высшему не подчиненная и не просвѣтленная, протязаетъ самодержавно опредѣлять судьбы человѣческихъ обществъ, она легко сбивается на путь гоненія противъ истины, отрицанія всякой правды и угашенія всякой свободы духа. Демократіи возникли изъ пагубы свободы, изъ признанія неотъемлемыхъ правъ каждаго человѣка, и правдой демократіи какъ будто-бы является утвержденіе свободы совѣсти, свободы выбора. Указываютъ защитники демократіи на то, что демократія духовно родилась въ провозглашеніи свободы совѣсти религіозными обществами эпохи реформаціи въ Англіи. Но формально безсодержательное и негативное пониманіе свободы таило въ себѣ ядъ, который разъѣдалъ историческія демократіи и уготовлялъ въ нихъ гибель свободы духа. Руссо отрицалъ свободу совѣсти въ принципѣ. Робеспьеръ истребилъ ее на дѣлѣ. Самодержавный народъ можетъ насиловать совѣсть людей, можетъ лишать какой угодно свободы.

Токвиль и Милль, которыхъ нельзя назвать врагами демократіи, съ большимъ безпокойствомъ говорятъ объ опасностяхъ, которыя несетъ съ собой демократія, объ опасностяхъ для свободы человѣка, для индивидуальности человѣка. Демократія индивидуалистична по своей основѣ, но по роковой своей діалектикѣ она ведетъ къ антииндивидуализму, къ нивелированію человѣческихъ индивидуальностей. Демократія — свободолюбива, но это свободолюбіе возникаетъ не изъ уваженія къ человѣческому духу и человѣческой индивидуальности, это — свободолюбіе равнодушныхъ къ истинѣ. Демократія бываетъ фанатической лишь въ стихіи революцій. Въ мирномъ нормальномъ бытіи своемъ она чужда всякаго фанатизма и она находитъ тысячу мирныхъ и непримѣтныхъ способовъ нивелировать человѣческія индивидуальности и угасить свободу духа. Истинной свободы духа, быть можетъ, было больше въ тѣ времена, когда пылали костры инквизиціи, чѣмъ въ современныхъ буржуазныхъ демократическихъ республикахъ, отрицающихъ духъ и религіозную совѣсть. Формальное, скептическое свободолюбіе много сдѣлало для истребленія своеобразія человѣческой индивидуальности. Демократіи не означаютъ непременно свободы духа, свободы выбора, этой свободы можетъ быть больше въ обществахъ не демократическихъ.

Демократія возникаетъ, когда распадается органическое единство народной воли, когда атомизируется общество, когда гибнуть народныя вѣ-

рованія, соединявшія народъ въ единое цѣлое. Идеологія, признающая верховенство и самодержавіе народной воли, возникаетъ тогда, когда народной воли уже нѣтъ. Демократія есть идеологія критической, а не органической эпохи въ жизни человѣческихъ обществъ. Демократія и ставитъ своей цѣлью собрать распавшуюся народную волю. Но человѣческая личность есть для нея отвлеченный атомъ, равный всякому другому, и задача воссоединенія людей есть механическая задача. Демократія въ силахъ только механически суммировать волю всѣхъ, но общей воли, органической воли народа отъ этого не получается. Органическая воля народа не можетъ быть арифметически выражена, она необнаружима никакимъ подсчетомъ голосовъ. Воля эта обнаруживается во всей исторической жизни народа, во всемъ складѣ его культуры, и прежде всего и болѣе всего она находитъ себѣ выраженіе въ религіозной жизни народа. Въ органической религіозной почве, въ единства религіозныхъ вѣрованій не существуетъ единой, общей воли народа. Когда падаетъ народная воля, народъ распадается на атомы. И изъ атомовъ нельзя возсоздать никакого единства, никакой общности. Остается только механическая сумма воли большинства и меньшинства. Происходитъ борьба партій, борьба социальныхъ классовъ и группъ и образуется равнодѣйствующая въ этой борьбѣ. Демократія и есть арена борьбы, столкновенія интересовъ и направленій. Въ ней все непрочно, все

нетвердо, нѣтъ единства и устойчивости. Это — вѣчно переходное состояніе. Демократія создаетъ парламентъ, самое неорганическое изъ образованийъ, органъ диктатуры политическихъ партій. Все кратковременно въ демократическомъ обществѣ, все устремлено къ чему-то, выходящему за предѣлы самой демократіи. Подлинная онтологическая жизнь находится за предѣлами демократіи. Демократія слишкомъ задерживается на формально-бесодержательномъ моментѣ свободы выбора. Монархисты и социалисты съ разныхъ сторонъ подтачиваютъ жизнь демократическихъ обществъ и требуютъ, чтобы выборъ наконецъ совершился, чтобы содержаніе было найдено. Демократія признаетъ сувереннымъ и самодержавнымъ народъ, но народа она не знаетъ, въ демократіяхъ нѣтъ народа. То оторванное человѣческое поколѣніе очень краткаго отрывка историческаго времени, исключительно современное поколѣніе и даже не все оно, а какая-то часть его, взомнившая себя вершительницей историческихъ судебъ, не можетъ быть названо народомъ. Народъ есть великое историческое цѣлое, въ него входятъ всѣ историческія поколѣнія, не только живущія, но и умершія, и отцы и дѣды наши. Воля русскаго народа есть воля тысячелѣтняго народа, который черезъ Владиміра Св. принялъ христіанство, который собиралъ Россію при Великихъ Князьяхъ Московскихъ, который нашелъ выходъ изъ смутной эпохи, прорубилъ окно въ Европу при Петрѣ Великомъ, который выдвинулъ великихъ святыхъ

и подвижниковъ и чтить ихъ, создалъ великое государство и культуру, великую русскую литературу. Это не есть воля нашего поколѣнія, оторвавшагося отъ поколѣній предыдущихъ. Самомнѣніе и самоутвержденіе современнаго поколѣнія, превозношеніе его надъ умершими отцами и есть коренная ложь демократіи. Это есть разрывъ прошлаго, настоящаго и будущаго, отрицаніе вѣчности, поклоненіе истребляющему потоку времени. Въ опредѣленіи судьбы Россіи долженъ быть услышанъ голосъ всего русскаго народа, всѣхъ его поколѣній, а не только поколѣнія живущаго. И потому въ волю народа, въ общую волю, органическую волю входитъ историческое преданіе и традиція, историческая память о поколѣніяхъ отошедшихъ въ вѣчность. Демократія не хочетъ этого знать и потому она не знаетъ воли народа, а знаетъ лишь механическое суммирование воль ничтожной кучки современниковъ. Кризисъ демократіи давно уже начался. Первое разочарованіе принесла съ собою французская революція, которая не осуществила своихъ обѣтованій. Новѣйшія демократіи стоятъ на перепутьѣ въ мучительномъ безсиліи и недовольствѣ. Онѣ растерзаны внутреннимъ раздоромъ. Въ демократическихъ обществахъ нѣтъ ничего органическаго, ничего прочнаго, ничего отъ духа вѣчности. Они свободолюбивы лишь въ смыслѣ равнодушія къ добру и злу, къ истинѣ и лжи. Рождаются сомнѣнія во всеобщемъ избирательномъ правѣ, совершенно механическомъ, разсматривающемъ человѣка, какъ безкачествен-

ный атомъ. Ищутъ выхода въ корпоративномъ представительствѣ, въ возвращеніи къ средневѣковому цеховому началу. Такъ думаютъ обрѣсти органическія единства, въ которыхъ человѣкъ не будетъ уже оторваннымъ атомомъ. Разочарованіе въ демократіи и кризисъ ея связаны съ ея бессодержательно-формальнымъ характеромъ. Начинаются мучительныя исканія содержанія народной воли, исканія праведной, истинной, святой народной воли. Важно не то, чтобы народная воля, воля всѣхъ была формально изъявлена и количественное большинство опредѣлило судьбы общества согласно любому направленію этой воли. Важно, на что направлена воля народа, важно качество этой воли. Соціализмъ подвергаетъ пессимистическій критикѣ демократію, вскрываетъ ея бессодержательность и переходитъ къ опредѣленному качественному содержанію. Онъ знаетъ тотъ избранный народъ, который хочетъ осуществленія соціальной правды, который имѣетъ предметную направленность. Соціализмъ выдвигаетъ начало діаметрально противоположное демократіи.

II.

Соціализмъ, въ противоположность демократіи, носитъ характеръ матеріально-содержательный, онъ знаетъ чего хочетъ, имѣетъ предметъ устремленія. Онъ не безразличенъ къ тому, на что направлена народная воля и не всякую народную волю онъ признаетъ и допускаетъ къ изъявленію. Со-

ціалізмъ претендуєть на знаніє истины и потому онъ не отдаєть рѣшеніє вопроса объ истинѣ механическому большинству голосовъ. По психологическому типу своему соціалізмъ не скептиченъ. Соціалізмъ єсть вѣра, онъ претендуєть быти новой вѣрой для челоуѣчества. Утопическій соціалізмъ Сень-Симона и научный соціалізмъ Карла Маркса одинаково выступають съ религіозными притязаніями, хотять дати цѣлостное отношеніє къ жизни, рѣшити всѣ вопросы жизни. Установка воли въ соціалізмѣ иная, чѣмъ въ демократіи, болѣе напряженная, болѣе цѣльная и централизованная, направленная къ единому всеохватывающему предмету. Соціалізмъ по природѣ своей не можетъ допустить парламента мнѣній, свободной арены борьбы партій и интересовъ, которую такъ любитъ скептическая демократія. Соціалізмъ ищетъ и находитъ народную волю, обладающую истиннымъ содержаніемъ, праведную волю, святую волю. Соціалізмъ утверждаетъ не формальный суверенитетъ народа, націи, а матеріальный суверенитетъ избраннаго класса, соціалізмъ вѣритъ въ существованіє такого избраннаго класса, воля котораго обладаетъ особенными качествами. Соціалізмъ имѣетъ мессіанскій характеръ. Существуетъ избранный классъ — пролетаріатъ, классъ—мессія, онъ чистъ отъ первороднаго грѣха, въ которомъ зачиналось все въ исторіи, который лежитъ въ основаніи всей культуры, „буржуазной“ культуры, — грѣха эксплуатаціи челоуѣка челоуѣкомъ, класса классомъ. Этотъ мессіанскій классъ

и есть зачатокъ истиннаго человѣчества, грядущаго человѣчества, въ которомъ не будетъ уже эксплуатаціи. Пролетаріатъ — новый Израиль. Всѣ атрибуты избраннаго народа Божьяго переносятся на этотъ мессіанскій классъ. Онъ долженъ быть избавителемъ и освободителемъ человѣчества, онъ долженъ осуществить Царство Божье на землѣ. Древній еврейскій хилиазмъ въ секуляризованной формѣ вновь повторяется въ поздній часть исторіи. Избранный классъ осуществитъ наконецъ то обѣтованное земное царство, блаженство во Израиль, которое не осуществилъ Мессія-Распятый. Это и есть тотъ новый мессія, устроитель земнаго царства, во имя котораго былъ отвергнутъ старый Мессія, возвѣстившій царство не отъ міра сего. Суверенитетъ пролетаріата противопоставляется суверенитету народа. Пролетаріатъ и есть истинный народъ, справедливый народъ обладающій всѣми качествами, гарантирующими направленность воли къ высшему типу жизни. Только пролетаріату въ нашу эпоху присуща подлинная жизнь, максимумъ жизни. Это — побѣждающій, а не только угнетенный классъ, онъ развернетъ высшую мощь человѣчества, овладѣетъ окончательно стихіями природы, максимально разовьетъ производительныя силы. Переходъ власти къ этому классу будетъ означать прыжекъ въ царство необходимости, въ царство свободы, міровую катастрофу, послѣ которой и начнется истинная исторія или сверхисторія. Таковы упованія классическаго, революціоннаго социализма.

Онъ интереснѣе и показательнѣе, чѣмъ переходныя и половинчатыя формы фактической социаль-демократіи, которая оппортунистически приспособляется къ буржуазной жизни.

Но ошибочно было бы думать, что согласно классическому социалистическому сознанию суверенитетъ долженъ принадлежать фактическому, эмпирическому пролетаріату, какъ человѣческому количеству. Суверенитетъ принадлежитъ не пролетаріату, какъ факту, а пролетаріату, какъ „идеѣ“. „Идеѣ“ пролетаріата должно принадлежать господство въ мірѣ. Въ этомъ отношеніи социализмъ есть не эмпирической реализмъ, а идеализмъ. Носителемъ „идеи“ пролетаріата, знающимъ истину, является избранное меньшинство, наиболѣе сознательная кучка. Полнота власти должна принадлежать этому избранному меньшинству. Въ этомъ отношеніи социализмъ по своему аристократиченъ, а не демократиченъ. Во имя этой „идеи“, во имя истинной пролетарской воли, которая можетъ быть достояніемъ лишь немногихъ, во имя созданныхъ немногими интересовъ пролетаріата, которые суть также интересы человѣчества, надъ фактическимъ, эмпирическимъ пролетаріатомъ можно производить какое угодно насиліе. Пушками, штыками и батогами можно принуждать фактической пролетаріатъ, несознательную человѣческую массу, къ осуществленію „идеи“ пролетаріата. Социализмъ въ принципѣ отрицаетъ суверенитетъ народа, свободное изъявленіе воли народа и право каждаго гражданина участвовать

въ этомъ волеизъявленіи. Въ этомъ онъ существенно противоположенъ демократіи. Но антидемократизмъ его идетъ дальше. Соціализмъ не только признаетъ лишь за избраннымъ классомъ-пролетаріатомъ, обладающимъ истиннымъ направлениемъ воли, право на свободное волеизъявленіе. Это право принадлежитъ лишь избранной части пролетаріата, лишь рабочимъ обладающимъ соціалистической волей и не только соціалистической, но истинно соціалистической, т. е. напр. „большевистской“ соціалистической волей, а не „меньшевистской“ соціалистической волей. Всѣхъ рабочихъ, которые не сознали „идеи“ пролетаріата, не обладаютъ истинной соціалистической волей, можно и должно лишитъ права на изъясненіе воли и направленіе общественной жизни. Отсюда принципиальное оправданіе диктатуры, тираническое господство меньшинства, истинныхъ носителей чистой соціалистической „идеи“, надъ большинствомъ, пребывающемъ въ тьмѣ. Революціонный, мессіанскій соціализмъ не можетъ не стоять за диктатуру, она вытекаетъ изъ пафоса соціализма, изъ его лже-мессіанскаго притязанія. Въ рѣзкой противоположности демократіи соціализмъ отдаетъ полноту власти и надѣляетъ атрибутами самодержавнаго могущества лишь волю опредѣленнаго качества, волю соціалистическую, т. е. истинную, праведную волю. Соціализмъ принципиально нетерпимъ и эксклюзивенъ, онъ по идеѣ своей не можетъ предоставить никакихъ свободъ своимъ противникамъ, инакомыслящимъ. Онъ принужденъ

отрицать свободу совѣсти. Онъ есть система Великаго Инквизитора и Шигалева. Онъ хочетъ рѣшить судьбу человѣческихъ обществъ, отрицая свободу духа.

Соціалистическое общество и государство по типу своему вѣроисповѣдное, сакральное, а не секулярное, не свѣтское. Въ соціалистическомъ государствѣ есть господствующее вѣроисповѣданіе и принадлежащія къ этому господствующему вѣроисповѣданію должны имѣть привилегированныя права. Это государство не равнодушно къ вѣрѣ, не индифферентно, какъ государство либерально-демократическое, оно декретируетъ свою истину и понуждаетъ къ ней. Тѣ, которые не признаютъ соціалистической вѣры, должны быть поставлены въ положеніе аналогичное тому, въ которомъ находились евреи въ старыхъ теократическихъ христіанскихъ обществахъ. Вѣроисповѣдное соціалистическое государство претендуетъ быть сакральнымъ, священнымъ государствомъ, осѣненнымъ благодатью, не Божьей, а дьявольской, но непременно благодатью. Въ этомъ существенная противоположность соціалистическаго государства правовому демократическому государству. Соціализмъ также отрицаетъ свободу совѣсти, какъ и средневѣковая католическая теократія. Онъ хочетъ принудить къ правдѣ и добродѣтели, не оставляя свободы избранія, какъ либеральная демократія. Въ соціализмъ перешло ложное притязаніе старой теократической и имперіалистической идеи, идеи внѣшняго, принуди-

тельного единства человечества, количественного универсализма. Соціалистическія утопіи, которыя слишкомъ многимъ представлялись золотыми снами человечества, никогда не обѣщали никакихъ свободъ. Они всегда рисовали картины совершенно деспотическихъ обществъ, въ которыхъ свобода была истреблена безъ остатка. Въ Утопіи Томаса Мора свободное передвиженіе изъ одного мѣста въ другое оказывалось не болѣе легкимъ, чѣмъ въ самые тяжелые годы существованія совѣтской соціалистической республики. Въ Утопіи Каба существуетъ лишь одна правительственная газета и совершенно не допускается существованіе свободныхъ органовъ печати. Утопіи плохо знали или забыли и слишкомъ вздыхали о невозможности ихъ осуществленія. Но утопіи оказались гораздо болѣе осуществимыми, чѣмъ казалось раньше. И теперь стоитъ другой мучительный вопросъ, какъ избѣжать окончательнаго ихъ осуществленія. Большевиковъ считали у насъ утопистами, далекими отъ реальныхъ жизненныхъ процессовъ, реалистами же считали кадетовъ. Опытъ жизни научаетъ обратному. Утопистами и фантазерами были кадеты. Они мечтали о какомъ-то правовомъ строѣ въ Россіи, о правахъ и свободахъ человѣка и гражданина въ русскихъ условіяхъ. Безсмысленныя мечтанія, неправдоподобныя утопіи! Большевики оказались настоящими реалистами, они осуществляли наиболѣе возможное, дѣйствовали въ направленіи наименьшаго сопротивленія, они были минималистами, а не макси-

малистами. Они наиболѣе приспособлялись къ интересамъ массъ, къ инстинктамъ массъ, къ русскимъ традиціямъ властвованія. Утопіи осуществимы, онѣ осуществимѣе того, что представлялось „реальной политикой“ и что было лишь раціоналистическимъ расчетомъ кабинетныхъ людей. Жизнь движется къ утопіямъ. И открывается, быть можетъ, новое столѣтіе мечтаній интеллигенціи и культурнаго слоя о томъ, какъ избѣжать утопій, какъ вернуться къ не утопическому обществу, къ менѣе „совершенному“ и болѣе свободному обществу. Отнынѣ не будутъ уже мечтать о социализмѣ, о которомъ мечтали у насъ почти всѣ, не только социалисты. Вѣдь и русскій либераль думалъ, что ничего выше социализма нѣтъ, но что социализмъ къ сожалѣнію не осуществимъ и самъ онъ не стоитъ на достаточной высотѣ героизма, чтобы такой высокій идеаль осуществить. Теперь будутъ мечтать не о совершенномъ, а о несовершенномъ строѣ, т. е. болѣе вольномъ строѣ. Свобода, повидимому, связана съ несовершенствомъ, съ правомъ на несовершенство. Социализмъ есть типъ авторитарнаго общества, въ этомъ онъ во всемъ подобенъ теократическому обществу и государству. Геніально остро К. Леонтьевъ, предвидѣвшій торжество въ Россіи именно большевистской революціи и предсказавшій ее, говоритъ, что для социализма понадобятся вѣковыя преданія покорности, инстинкты повиновенія. Онъ зналъ, что социализмъ будетъ основанъ не на розовой водѣ, а на крови

человѣческой. Въ этомъ онъ стоитъ безконечно выше большей части русскихъ людей, столѣтія мечтавшихъ объ идилліи социализма и воображавшихъ, что социализмъ есть свобода. Нѣтъ ужъ, нужно выбирать — или социализмъ или свобода духа, свобода совѣсти человѣческой. Это геніально понималъ Достоевскій. Социализмъ утверждаетъ такого рода „сакральную власть“ и „сакральное общество“, что не остается мѣста ни для чего „мірскаго“, ни для чего вольнаго и переходнаго, для свободной игры человѣческихъ силъ. Социализмъ хочетъ владѣть всѣмъ человекомъ, не только тѣломъ, но и душой его. Онъ претендуетъ на самую интимную и сокровенную глубину человѣческой души. Въ этомъ выступаетъ онъ съ притязаніями подобными притязаніямъ Церкви. Только Церковь претендуетъ на обладаніе душой человѣческой и беретъ на себя задачу водить человѣческими душами. Никогда государство не претендуетъ на власть надъ человѣческой душой, оно знаетъ свои границы. Для государства остается непроницаемой глубина человѣческаго духа. Самое деспотическое государство не требуетъ, чтобы души человѣческія отдались ему въ самомъ священномъ для нихъ. Государство сажало въ тюрьмы и казнило, но не требовало духовнаго себѣ подчиненія. Не требовало мірскаго, секулярнаго государства. Но требовало государство теократическое, выступавшее съ универсалистическимъ притязаніемъ, мнившее себя священнымъ церковнымъ государствомъ. Съ

этимъ же притязаніе выступаетъ соціализмъ въ небывалой по своей крайности формѣ. Онъ хочетъ выдрессировать механически человѣческія души, вымуштровать ихъ настолько, чтобы они чувствовали себя хорошо въ соціальномъ муравейникѣ, полюбили казарменную жизнь, отказались отъ свободы духа. Соціализмъ хочетъ приготовить счастливыхъ младенцевъ не знающихъ грѣха. Христіанство прежде всего дорожитъ свободой человѣческаго духа и потому не допускаетъ возможности механической дрессировки человѣческихъ душъ для земного рая. Оно предоставляетъ это дѣло антихристу.

Соціализмъ правъ, когда онъ ставитъ предметъ и содержаніе народной воли выше самой народной воли, выше формальнаго волеизъявленія. Если есть какое-либо качественное содержаніе народной воли и какая-либо высшая цѣль въ жизни народа, то это содержаніе и эта цѣль должны быть поставлены выше самой формальной воли народа. Тогда релятивизмъ преодолевается, обрѣтается достойный предметъ. Та достойная цѣль, къ которой устремлена народная воля, должна быть выше самой народной воли. Этой цѣли должна быть подчинена общественная жизнь. Но цѣлью жизни можетъ быть лишь духовная жизнь и содержаніемъ жизни можетъ быть лишь божественное содержаніе. Поэтому въ основу человѣческихъ обществъ должно быть положено религіозно-духовныя начала, которыя должны быть поставлены выше всякаго самоутвержденія человѣческой воли.

И свобода чловѣка, свобода духа можетъ быть спасена лишь на почвѣ узнаванія и обрѣтенія такихъ резигіозно-духовныхъ началъ, лишь только обращенностью къ божественной волѣ, такъ какъ чловѣческое своеволие и чловѣческой произволь истребляютъ свободу чловѣка. Страшно чловѣку попасть въ зависимость исключительно отъ чловѣческой воли, отъ чловѣческаго произвола, отъ господства массъ чловѣческихъ, не подчиненныхъ никакой Истинѣ, никакой Правдѣ. Такъ ставится проблема неизбѣжнаго ограниченія самодержавія демократіи, какъ и всякаго самодержавія чловѣческаго какъ и самодержавія монархическаго. Соціализмъ обозначаетъ собой прозисъ гуманизма, кризисъ чловѣческаго самоутвержденія, формулированнаго въ демократіи. Соціализмъ переходитъ уже къ какому-то нечловѣческому содержанию, къ нечловѣческой коллективности, во имя которой все чловѣческое приносится въ жертву. Марксъ-антигуманистъ, въ немъ чловѣческое самоутвержденіе переходитъ въ отрицаніе чловѣка. Демократія еще гуманистична. Соціализмъ уже по ту сторону гуманизма. Соціализмъ есть реакція противъ новой исторіи и возвратъ къ средневѣковью, но во имя иного бога. Новое средневѣковье должно быть подобно старому, въ немъ будетъ своя обратная теократія. Но когда кончается царство гуманистическое, царство секулярной гуманности, тогда раскрываются противоположныя бездны. Соціалистическое государство походитъ на теократію и имѣетъ теократи-

ческія притязанія, потому что оно есть сатанократія. Въ немъ общество, общественный коллективъ становится неограниченнымъ деспотомъ, болѣе страшнымъ, чѣмъ деспоты древней Ассиріи и Персіи.

III.

Вл. Соловьевъ еще говорилъ, что для того, чтобы побѣдить социализмъ, нужно признать его правду. Съ социализмомъ нельзя бороться „буржуазными“ идеями и нельзя противопоставлять ему капиталистическое и буржуазно-демократическое общество XIX и XX вѣка. Буржуазное общество и породило социализмъ, и довело до него. Социализмъ есть плоть отъ плоти и кровь отъ крови капитализма. Они стоятъ на одной и той же почвѣ, одинъ и тотъ же духъ или вѣрнѣе одно и то же отрицаніе духа движетъ ими. Свое безбожіе социализмъ унаслѣдовалъ отъ буржуазно-капиталистическаго общества XIX вѣка, по истинѣ самага безбожнаго, какой только знаетъ исторія. Въ немъ уже нарушено было должное отношеніе человѣка къ человѣку и человѣка къ матеріальной природѣ. Экономизмъ цивилизаціи XIX вѣка, извратившій іерархическій строй общества, и породилъ экономическій материализмъ, вѣрно отразившій самую дѣйствительность XIX вѣка. Въ этой дѣйствительности духовная жизнь была только надстройкой, отражаніемъ, приспособленіемъ. Поклоненіе мамонѣ вмѣсто Бога одинаково свойственно и капитализму и социализму. Социализмъ

не есть утопія или мечта, соціализмъ есть реальная угроза и предостереженіе для христіанскихъ народовъ, суровое напоминаніе имъ о томъ, что они не исполнили завѣтъ Христа, что они отступили отъ христіанства. Иногда обосновываютъ капитализмъ тѣмъ, что человѣческая природа зла, что насильственно этого зла не побѣдить, что соціализмъ предполагаетъ добрую природу. Но забываютъ, что можетъ наступить историческій часъ, когда зло человѣческой природы, именно зло ея приметъ новую форму. Злая природа создаетъ соціализмъ. Капитализмъ, какъ духовно-этическая категорія, появился потому, что природа человѣка во злѣ лежитъ. Но потому же возникаетъ и соціализмъ. Отступничество отъ христіанства, измѣна духовнымъ основамъ и духовнымъ цѣлямъ жизни должны вслѣдъ за стадіей капитализма привести къ стадіи соціализма. Или нужно начать реально осуществлять христіанство и обратиться къ духовной жизни, возстановить іерархически-нормальный строй жизни, подчинить экономику духу, ввести политику въ подобающія ей границы.

Соціализмъ притязаетъ имѣть содержаніе и цѣль и притомъ истинное содержаніе и истинную цѣль. Этимъ онъ отличается отъ демократіи, которая раскрыта для всѣхъ содержаній и всѣхъ цѣлей. Соціалистическое содержаніе жизни и соціалистическая цѣль жизни таковы, что онѣ вызываютъ фанатическую настроенность у своихъ адептовъ. Но что это за содержаніе и что это за цѣль? Содержаніе соціализма есть фикція, онъ также без-

содержателенъ и также не онтологиченъ, какъ и демократія. Что въ социализмъ должно быть отнесено къ содержанию и цѣли жизни, что не есть лишь средства и орудія жизни, цѣлей внѣ самаго социализма находящихся? Обобществленіе орудіе производства не есть вѣдь цѣль и содержаніе жизни. Въ экономикѣ вы не найдете ничего, чтобы относилось къ цѣлямъ, а не средствамъ жизни. Экономическое равенство не цѣль жизни и не содержаніе жизни. Организованный производительный матеріальный трудъ, который обогащается социализмомъ, тоже вѣдь не есть цѣль жизни и содержаніе жизни. Социалистическое обоготвореніе безкачественнаго матеріальнаго труда рождается отъ утери цѣли и смысла жизни. Цѣли человеческой жизни померкли въ ту эпоху, которая выдвигаетъ социализмъ, и окончательно померкли средствами жизни. Онѣ померкли раньше, онѣ закрылись еще въ буржуазной цивилизаціи XIX вѣка, въ экономизмъ этого вѣка, въ поглощенности внѣшнимъ устройствомъ жизни. Духовнаго содержанія нѣтъ ни въ социализмъ, ни въ демократію. А по истинѣ содержанія жизни и цѣли жизни можно искать лишь въ духовной дѣйствительности, лишь въ духовной культурѣ. Цѣли жизни и содержаніе жизни могутъ быть лишь духовными, онѣ не могутъ быть социальными, ихъ нельзя полагать въ политическихъ и экономическихъ формахъ. Никакая социальная и политическая идеологія не доходитъ до истиннаго содержанія, если она не обрѣтаетъ его въ духовной

жизни, въ подчиненіи всѣхъ соціальныхъ и политическихъ формъ духовной цѣли. Содержательность соціализма кажущаяся. Соціализмъ въ роковой своей діалектикѣ лишь раскрываетъ духовную безсодержательность современной цивилизаціи. „Идея“ пролетаріата, во имя которой льется столько крови, которая вызываетъ такую фанатическую себѣ преданность, оказывается совершенно безсодержательной идеей. Она говоритъ объ орудіяхъ жизни, но ничего не говоритъ о самой жизни. До цѣлей жизни соціализмъ такъ и не доходитъ. Жалкій лепетъ о новой пролетарской душѣ и новой пролетарской культурѣ вызываетъ нѣкоторое чувство неловкости у самихъ соціалистовъ. Никакихъ признаковъ рожденія новой души нѣтъ, душа остается старой душой ветхаго Адама, полной корысти, зависти, злобы и мести. Ново лишь то, что въ этой душѣ ослабѣла чувство грѣха и затруднилось для нея покаяніе. Никакихъ признаковъ новой пролетарской культуры, новаго пролетарскаго творчества нѣтъ. Существуетъ лишь пониженіе качества культуры, приниженія ея до требованій технической цивилизаціи. Соціализмъ живетъ насчетъ буржуазной культуры, умственно питается матеріализмомъ буржуазнаго просвѣтительства. Въ соціализмѣ есть новое — возникновеніе нечеловѣческаго коллектива, новаго Левіаѳана. Но въ этомъ жуткомъ коллективѣ, страшномъ чудовищѣ погибаютъ всѣ цѣли и содержанія жизни, угашается всякая духовая культура, въ немъ нѣтъ новой человѣческой души, по-

тому что нѣтъ уже никакой человѣческой души. Внутренняя діалектика демократіи и соціализма научаетъ насъ, что нельзя искать содержательной и праведной народной воли по внѣшнимъ, соціальнымъ и политическимъ признакамъ. Нѣтъ праведной воли внѣ самой праведности воли, внѣ самой святости воли. Необходимо реальное достиженіе праведности, побѣда надъ грѣхомъ, просвѣтленіе и преображеніе, чтобы воля человѣческая, воля народная осуществляла праведную жизнь, чтобы творилась жизнь въ Истинѣ. Никакими внѣшними знаками, никакими симуляціями нельзя замѣнить реального преображенія. Переодѣваніе, перемѣна одеждъ мало помогаетъ. Подъ буржуазными или соціалистическими одеждами можетъ скрываться одно и то же содержаніе или одно и то же отсутствіе содержанія. Передъ каждымъ обществомъ, передъ каждымъ народомъ стоитъ прежде всего религіозная задача. Ибо просвѣтленіе и преображеніе воли, наполненіе ея божественными предметами, есть задача религіозная, а не соціально политическая. И всѣ соціально-политическія задачи должны быть подчинены этой религіозной задачѣ. Содержаніе жизни можетъ быть лишь религіознымъ содержаніемъ. Содержаніе жизни есть входеніе въ Божью жизнь, т. е. въ подлинное бытіе. Воля народа, воля пролетаріата есть грѣшная воля и потому она причастна небытію и можетъ создать царство небытія. Эта воля должна склониться передъ высшей волей, передъ святой волей, передъ Божьей

волей. Тогда только она осуществляет бытіе. Суверенитетъ принадлежитъ не народу, не пролетаріату, а Богу, т. е. самой Истинѣ, самой Правдѣ. И Божьей, а не своей воли нужно искать въ жизни общества, въ жизни государства. Это положеніе должно быть направлено не только противъ „лѣвыхъ“, демократовъ и соціалистовъ, но и противъ „правыхъ“, монархистовъ. Демократіи нельзя противопологать насильственного выраженія человеческой воли привилегированныхъ группъ общества. Задача духовнаго просвѣтленія и преображенія, обрѣтенія Божьей воли и Божьей правды не есть только личная задача, стоящая передъ индивидуальной душой. Это также задача общественная, задача историческая, стоящая передъ цѣлыми народами. Духовныя силы, Божьи энергіи дѣйствуютъ не только въ личной душѣ, но также въ душѣ обществъ, въ душѣ народовъ, въ исторіи. Не о личномъ совершенствованіи тутъ идетъ рѣчь, а о духовныхъ измѣненіяхъ и обрѣтеніяхъ въ жизни обществъ и народовъ, въ судьбахъ исторіи. Личность и общество не могутъ быть оторваны и изолированы другъ отъ друга. На этихъ путяхъ мысли мы приходимъ къ постановкѣ проблемы теократіи. Разрѣшается ли въ теократическомъ типѣ поставленная нами проблема?

IV.

Въ жизнь европейскихъ обществъ побѣдно вошла сначала демократія, а потомъ соціализмъ,

потому что старыя теократическія общества внутренно разложились. Это былъ неотвратимый процессъ. Такова судьба. Одна судьба объединяетъ путь человѣческой отъ теократіи до социализма. Неудача и несуществованіе теократіи роковымъ образомъ влекла къ опыту демократіи и опыту социализма. Такъ изживалась одна историческая неудача за другой и причина неудачи всегда одна — реальное преображеніе жизни замѣняется внѣшними и формальными знаками того, что общество — теократически - сакрально или социалистически - сакрально. Теократія была сознательно символична, социализмъ же въ сознаніи своемъ реалистиченъ. Но и тамъ и здѣсь достигаются лишь знаки того совершеннаго строя къ которому стремятся, лишь симулируютъ его. И старыя теократіи, западная, папистская, и восточная, императорская, потерпѣли неудачу и разложились, потому что въ нихъ реально не достигалось Царство Божіе на землѣ, а лишь внѣшне символизировалось, формально ознаменовывалось. Теократическое Государство выродилось въ симуляцію священнаго царства, все болѣе и болѣе теряя свое священное содержаніе. Средневѣковый теократическій замыселъ — одинъ изъ величайшихъ замысловъ исторіи. Но свобода человѣческаго духа, соглашающаяся на осуществленіе царства Христова на землѣ, не была въ немъ принята во вниманіе. Царство Божье не можетъ быть осуществлено насильно. Исканіе свободы и толкнуло народы на путь демократіи. Человѣкъ пошелъ путемъ автономнаго

самоопредѣленія, самоопредѣленія перешло въ самоутвержденіе, самоутвержденіе привело къ самоистребленію чловѣка. Такова трагедія новой исторіи. Отъ гетерономіи неизбѣженъ былъ переходъ къ автономіи. Общество основанное на гетерономіи, не можетъ вѣчно существовать, автономное сознаніе неизбѣжно пробудится. Но автономія должна быть лишь путемъ къ теономіи, къ высшему состоянію, къ свободному принятію воли Божьей, свободному подчиненію ей. Въ новой исторіи автономія привела не къ теономіи, а къ аноміи. Но въ аноміи автономія сама себя пожираетъ, перерождается въ злѣйшую гетерономію. Это мы и наблюдаемъ въ социализмѣ. Въ старомъ теократическомъ обществѣ теономія не была автономной и потому подлинная, реальная теократія не достигалась. Въ новомъ автономномъ обществѣ теономіи совсѣмъ нѣтъ и потому общество это не имѣетъ никакого онтологическаго содержанія. Символизмъ старой теократіи имѣлъ все-таки до времени, до извѣстнаго возраста чловѣчества подлинно священное значеніе. Старыя общества были полны священной символики. И это имѣло огромное значеніе въ воспитаніи и водительство христіанскихъ народовъ. Но долженъ былъ наступить моментъ въ жизни народовъ, когда они пожелаютъ перейти отъ символизма къ реализму, къ наиреальнѣйшей жизни. Но это не будетъ реализмъ онтологическій и мистическій, реализмъ просвѣтленія и преображенія жизни, это будетъ реализмъ эмпирической и даже матеріали-

стическій, иллюзорный, меоническій реализмъ. Этотъ реализмъ не будетъ имѣть никакого существеннаго содержанія, онъ будетъ формалистиченъ, весь будетъ во внѣшнихъ ознаменованіяхъ, а не бытійственныхъ достиженіяхъ. Есть одинъ только путь къ царству Божьему, къ истинной теократіи, это — реальное его осуществленіе, т. е. подлинное достиженіе высшей духовной жизни, просвѣтленіе и преображеніе человѣка и міра. Внѣ реального достиженія высшей духовной жизни, т. е. внѣ перерожденія, внѣ новаго духоваго рожденія никакое совершенное общество и совершенная культура недостижимы. Нельзя только символизировать высшую духовную жизнь и въ концѣ концовъ симулировать ее, нужно реально ее достигать. Реальное же достиженіе высшей духовной жизни не имѣетъ слишкомъ примѣтныхъ признаковъ. И потому сказано, что Царство Божье приходитъ непримѣтно. Слишкомъ примѣтное осуществленіе Царства Божьяго всегда подозрительно и всегда указываетъ на фальшь. Къ старымъ теократіямъ, западн. и вост., нѣтъ возврата, ибо нѣтъ возврата къ внѣшнему ознаменованію Царства Божьяго безъ реального его достиженія. Симуляція „христіанскаго государства“ не поможетъ. Эта симуляція и привела къ краху, къ опыту демократіи и социализма. А какъ создать подлинное христіанское государство, христіанское общество? Для этого необходимо духовное просвѣтленіе и преображеніе. Быть можетъ катастрофы и великія испытанія приведутъ къ нему. Но подлинно христіанское го-

сударство не будетъ уже государствомъ. Необходимо не выбрасывать все во внѣ, не ознаменовывать и не симулировать внутреннюю жизнь, а погружать все въ духовную жизнь, вернуться на родину духа. Это — революція болѣе глубокая, чѣмъ тѣ, которыя дѣлаютъ внѣшніе революціонеры.

Мы переживаемъ міровой кризисъ всѣхъ социальнo-политическихъ идеологій и формъ. Все уже какъ будто изжито во внѣшней жизни и ничто уже не можетъ слишкомъ вдохновлять цивилизованные народы. Наступаетъ социальнo-политическая старость. Только русскій народъ обнаружилъ еще огромную энергію разрушенія и попытался осуществить самую безумную изъ утопій. Рушатся старыя общества, въ которыхъ были еще остатки теократическихъ санкцій. Дѣлаются судорожныя попытки ихъ реставрировать. Но это дѣло безнадежное. Старое теократическое государство возстановить нельзя, къ нему нѣтъ возврата, потому что оно не осуществляло реально Божьей правды, лишь во внѣшнихъ знакахъ дѣлало видъ, что осуществляетъ ее. Вл. Соловьевъ объяснялъ паденіе Византіи тѣмъ, что она не дѣлала даже попытокъ на дѣлѣ осуществлять христіанство. Это можно сказать съ нѣкоторыми варіаціями и смягченіями про всѣ старыя теократическія государства, несшія въ себѣ сѣмя гибели. Можно было бы сказать, что не христіанство не удалось, а не удалось дѣло Константина Великаго, хотя оно и

имѣло провиденціальное значеніе. Христіанство какъ бы возвращается къ состоянію до Константина. Русская православная церковь опредѣленно къ этому состоянію вернулась. Быть можетъ христіанство предназначено къ тому, чтобы вернуться еще дальше назадъ, къ катакомбному состоянію и оттуда вновь побѣдить міръ. Мало есть шансовъ на то, что новое царство Кесаря пожелаетъ быть христіанскимъ. И никакія новыя симуляціи христіанскаго государства не приведутъ къ подлинно реальнымъ бытіественнымъ достиженіямъ. Мы вступаемъ въ эпоху убійственныхъ разоблаченій, когда придется жить разоблаченными реальностями. Въ этомъ значеніе нашей трагической и безрадостной эпохи. Христіанскій историческій пессимизмъ вступаетъ въ свои права. Необходимо отказаться отъ розовыхъ иллюзій, отъ слащаваго оптимизма. Но этотъ относительный пессимизмъ не долженъ помѣшать нашей устремленности вглубь духовной жизни. Паденіе внѣшнихъ иллюзій обращаетъ къ внутренней жизни.

Безбожная и лицемерная цивилизація XIX и XX вѣка и торжествуетъ свои побѣды и переживаетъ смертельный кризисъ въ своихъ основахъ. Она породила міровую войну, — дѣтище безграничной похоти жизни въ современной цивилизаціи. И міровая война оказалась началомъ ея разрушенія. И напрасно мечтаютъ о мирной буржуазной жизни, о возвратѣ къ основамъ буржуазной цивилизаціи XIX вѣка, которая представляется утопіей чуть ли не совершеннаго общественнаго

состоянія. Катастрофы неслыханныхъ войнъ и революцій были заложены въ основахъ этой цивилизаціи и о возвратѣ къ состоянію общества до начала міровой войны мечтають лишь безумцы, хотя бы безуміе ихъ казалось очень разсудительнымъ. Трагизмъ современнаго кризиса въ томъ, что въ глубинѣ души никто уже не вѣритъ ни въ какія политическія формы и ни въ какія общественныя идеологіи. Только коммунизмъ пытается еще утверждать себя съ демоническимъ напряженіемъ воли и кровавымъ фанатизмомъ. Но онъ погибаетъ отъ смертельныхъ ударовъ, которые онъ самъ наноситъ собственной идеѣ. Не только монархіи рушатся, но и демократіи переживаютъ кризисъ, напоминающій агонію. Рушатся старыя системы государства и хозяйства и европейскія общества вступаютъ въ эпоху схожую съ раннимъ средневѣковьемъ. Проблема демократіи перестала уже быть политической проблемой, она стала проблемой духовно-культурной, проблемой духовнаго перерожденія общества и перевоспитанія массъ. Демократіи провозгласили свободу выбора, но нельзя долго задерживаться на этой свободѣ, нужно ею воспользоваться, нужно сдѣлать выборъ правды, подчиниться какой-то истинѣ. А это выводитъ за предѣлы демократіи. Единственнымъ оправданіемъ демократіи будетъ то, что она сама себя преодолѣетъ. Въ этомъ будетъ ея правда. Современные демократіи явно вырождаются и никого уже не вдохновляютъ. Вѣры въ спасительность демократіи уже нѣтъ. Демократы это

тѣ, про которыхъ сказано, что они не холодны и не горячи и потому будутъ извергнуты. Количесствомъ нельзя добыть истинной жизни. Монархисты, несмотря на значительность самого монархическаго принципа, движутся негативными и безсильными чувствами, нерѣдко полны злобы и мести, и сама монархія для слишкомъ многихъ изъ нихъ есть лишь орудіе возстановленія ихъ нарушенныхъ интересовъ. И по старому принудить народы къ монархіи нельзя будетъ. Народы должны свободно ея захотѣть, чтобы она могла осуществиться, но въ этомъ случаѣ она будетъ совсѣмъ новой. Въ жизни хозяйственной, въ строѣ соціальному рушится капитализмъ, пораженный смертельными ядами, имъ самимъ выработанными. Къ тому индустріально-капиталистическому строю, который существовалъ до міровой войны, возврата нѣтъ, ибо онъ и породилъ всѣ несчастья человѣчества. Но поколеблена уже надежда и на то, что капиталистическая система можетъ быть замѣнена системой соціалистической. Въ соціализмъ уже нельзя вѣрить. Онъ пересталъ быть невидимой вещью, которая обличается въ вѣрѣ, онъ сталъ видимой вещью. И какъ видимая вещь, которая можетъ быть обличена въ знаніи, онъ переживаетъ кризисъ не меньшей, чѣмъ капитализмъ, онъ ведетъ человѣческое общество къ окончательной безвыходности. Духовныя основы труда, мотивація труда опредѣляютъ хозяйственную жизнь народовъ. Эти духовныя основы труда разрушены и народамъ

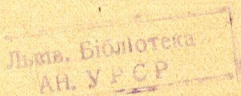
грозить голодъ. Мотивація труда капиталистическихъ обществъ не можетъ быть возстановлена. Народы нельзя будетъ принудить къ той дисциплинѣ труда, которая господствовала въ капиталистическомъ обществѣ, въ этомъ отношеніи случилось что-то безповоротное. Соціализмъ же самъ по себѣ менѣе всего способенъ создать новую дисциплину труда, дать новое его духовное обоснованіе. Онъ обоготворяетъ трудъ, дѣлаетъ изъ него кумира и совершенно его разлагаетъ, упраздняетъ тотъ рабочій классъ, во имя котораго готовъ совершить какія угодно кровавыя насилія. Экономическій вопросъ, какъ и политическій вопросъ, въ современномъ человѣчествѣ становится духовнымъ вопросомъ, онъ самъ по себѣ неразрѣшимъ. Возстановленіе труда предполагаетъ духовное возрожденіе. Но соціализмъ рушится вслѣдъ за капитализмомъ не только въ силу своей хозяйственной негодности, но также въ силу своей духовной порочности. Выявляется сатанократическая природа соціализма. Соціализмъ претерпѣваетъ такую же страшную неудачу, какъ и всѣ формы общественности. И это будетъ самой роковой неудачей до перехода на новый путь. Существуетъ христіанскій соціализмъ. Но не слѣдуетъ придавать слишкомъ большое значеніе словамъ. Я готовъ и себя признать христіанскимъ соціалистомъ. Но это очень не совершенное словоупотребленіе. Христіанскій соціализмъ не есть настоящій соціализмъ и настоящіе соціалисты его терпѣть не могутъ. Соціализмомъ въ строгомъ

смыслъ слова слѣдуетъ называть направленіе, которое внѣшнимъ, матеріально-насильственнымъ путемъ хочетъ разрѣшить судьбы человѣческаго общества. Не таковъ христіанскій соціализмъ. Онъ только признаетъ неправду индивидуалистически-капиталистическаго строя. Но главная бѣда въ томъ, что старый христіанскій соціализмъ есть очень паліативное, не радикальное по своему принципу направленіе. И потому вліяніе его не можетъ быть сильнымъ. Христіанство глубже должно брать проблему общественности.

Угасаетъ вѣра въ политическое и соціальное спасеніе человѣчества. Подводятся итоги ряду столѣтій, втеченіе которыхъ происходило движеніе отъ центра и внутренняго ядра жизни къ периферіи, на поверхность жизни, къ внѣшней общественности. И чѣмъ болѣе общественность дѣлается пустой и безсодержательной, тѣмъ сильнѣе становится диктатура общественности надъ всей жизнью человѣческой. Политика обвила человѣческую жизнь, какъ паразитарное образованіе, высасывающее у нея кровь. Большая часть политической и общественной жизни современнаго человѣчества не есть реальная онтологическая жизнь, это фиктивная, иллюзорная жизнь. Борьба партій, парламенты, митинги, газеты, программы и платформы, агитаціи и демонстраціи, борьба за власть — все это не настоящая жизнь, не имѣетъ отношенія къ содержанію и цѣлямъ жизни, во всемъ этомъ трудно добраться до онтологическаго ядра. Въ мірѣ должна начаться великая реакція

или революція противъ господства внѣшней общественности и внѣшней политики во имя поворота къ внутренней духовной жизни, не только личной, но и сверхличной духовной жизни, во имя содержанія и цѣли жизни. Людямъ находящимся во власти внѣшняго, это должно казаться призывомъ къ уходу изъ жизни. Но что-нибудь изъ двухъ — или духовная жизнь есть величайшая реальность и въ ней нужно искать большей жизни, чѣмъ во всемъ шумѣ политики, или она нереальна и тогда ее нужно отрицать, какъ ложь. Когда все ощущается изжитымъ и исчерпаннымъ, когда почва такъ разрыхляется, какъ въ нашу эпоху, когда нѣтъ уже надеждъ и иллюзій, когда все разоблачено и изобличено, тогда почва готова для религіознаго движенія въ мірѣ. Такъ всегда бывало. Такъ было и въ эпоху античнаго міра. Міровое значеніе соціализма я вижу въ томъ, что онъ ставитъ человѣчество передъ дилеммой: или единеніе и братство людей во Христвѣ или единеніе и товарищество людей въ аитихриствѣ. Все остальное, какъ переходное и поверхностное, разлагается и распадается. Дѣло уже такъ далеко зашло и важно сознать это. Это понималъ Достоевскій, понималъ и Вл. Соловьевъ. Это должны и мы понять до глубины. Понимать такія вещи — въ традиціяхъ русской мысли. Русская революція помогаетъ этому пониманію. Революція произошла въ Россіи, когда либеральная демократія уже изжила себя и отцвѣтаетъ, когда гуманизмъ новой исторіи приходитъ къ концу. И

въ русской революціи осуществляется крайній антигуманистическій социализмъ. Русскій народъ, согласно особенностямъ своего духа, отдавъ себя въ жертву для небывалаго историческаго эксперимента. Онъ показалъ предѣльные результаты извѣстныхъ идей. Русскій народъ, какъ народъ апокалиптической, не можетъ осуществлять срединнаго гуманистическаго царства, онъ можетъ осуществлять или братство во Христѣ или товарищество въ антихристѣ. Если нѣтъ братства во Христѣ, то пусть будетъ товарищество въ антихристѣ. Эту дилемму съ необычайной остротой поставилъ русскій народъ передъ всѣмъ міромъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловіе	5
Новое средневѣковье	7
Размышленіе о русской революціи	59
Демократія, социализмъ и теократія	106

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ОБЕЛИСКЪ“

BERLIN W. 62, KLEISTSTR.31

<i>Николай Бердяевъ</i> : Смыслъ исторіи . . .	мар.	3.—
<i>Николай Бердяевъ</i> : Философія неравенства	„	4.—
<i>Николай Бердяевъ</i> : Новое Средневѣковье	„	2.—
<i>Б. П. Вышеславцевъ</i> : Русская стихія у Достоевскаго	„	—75
<i>У. Джэмсъ</i> : Введеніе въ философію	„	3.—
<i>Л. Карсавинъ</i> : Діалоги	„	1.—
<i>Л. Карсавинъ</i> : Джордано Бруно	„	3.—
<i>Л. Карсавинъ</i> : Философія исторіи	„	4.—
<i>И. И. Лапшинъ</i> : Эстетика Достоевскаго	„	1.50
<i>Н. О. Лосскій</i> : Логика. Т. I-II	„	6.—
<i>Н. О. Лосскій</i> : Обоснованіе интуитивизма	„	4.50
<i>Н. О. Лосскій</i> : Матерія и жизнь	„	1.50
„Софія“. Подъ редакціей <i>Н. Бердяева</i> , при ближайшемъ участіи <i>Л. Карсавина</i> и <i>С. Франка</i>	„	3.—
<i>Ф. Степунъ</i> : Жизнь и творчество	„	3.—
<i>С. Л. Франкъ</i> : Введеніе въ философію	„	1.50
<i>С. Л. Франкъ</i> : Живое знаніе	„	3.—

Каталоги высылаются бесплатно

КНИГОЗВІРНЯ
„СТУДІОН“
у Львові

Все пр. извод
р

13
16
18
19
22
23
31
35
42-43
45
47-48
55
57
63
64-65
67
71-72(!)
73

20
126
128
117
109-30-31
133
переполнила)
134
мешковец
пестуза

lp 50.

4 pgs 26 con

(1986)

346

рл

346

Николай
Бердяевъ

Новое
Средне-
вѣковье.